Тюрьма ГУГБ НКВД на Соловках

О. Бочкарёва

Об авторе

Ольга Владимировна Бочкарева (23.01.1956, Каунас – 30.07.2020, Архангельск).

В 1979 году окончила архитектурный факультет Инженерно-строительного института, с 1984 года три года работала в Валаамском государственном музее-заповеднике старшим научным сотрудником, с 1988 года по 2017 год (с небольшим перерывом в 1999-2000 гг.) сотрудник Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника, заведующая отделом истории XX века. Исследованием Соловецкого лагеря и тюрьмы занималась более 25 лет. Автор многих научных статей.

Статья публикуется в авторской редакции. В сокращенном виде опубликована в журнале «Звезда» № 8 за 2019 год, стр. 123-161.

Вступление

Тюремный режим, как одна из форм изоляции особо опасных преступников для власти в государстве, был привнесен большевиками из опыта царской России и других мировых держав. Само «*понятие «пенитенциарная система» наиболее полно охватывает весь комплекс мер государственной политики по исполнению наказания и применению к осужденным мер исправительного воздействия. Таким образом, пенитенциарная система в широком смысле – это совокупность мер государственного принуждения, ставящих целью точное и неуклонное исполнение наказания*»[1]. Пенитенциарная система имеет многовековую историю и получила широкое развитие в Германии, США, Англии, Австралии, Норвегии, России, Швейцарии и других странах. Виды наказания и изоляции осужденных были различны: тюремное содержание, каторга, ссылка. Эта система наказания имела научно-теоретические основы и базировалась на Уголовном праве этих государств.[2]

Многие идеи мировой пенитенциарной практики использовались и в России. Упоминания о российских казематах и тюремном содержании уже встречаются в архивных источника, относящиеся к событиям XVI-XVII вв. Для изоляции и содержания неугодных государю и государственности использовались специально отстроенные помещения в крепостях и монастырях. Со стороны власть держащих система изоляции опасных и неугодных постоянно видоизменялась и расширялась. Уже «*при Екатерине II был разработан проект, предусматривающий совершенствование системы тюрем, определение правового статуса администрации и гуманизацию условий содержания заключённых*».[3] Под непосредственным руководством царя Александра I в 1819 г. было создано Попечительное о тюрьмах общество[4], но только в 1831 г. была утверждена нормативная база этого общества – инструкция, определяющая условия размещения, режима, труда и быта заключённых. Тогда же царское правительство разрешило создать тюремные библиотеки, а само общество стало первым шагом в создании пенитенциарного права России.[5] В дальнейшем были разработаны документы об устройстве уездных тюремных зданий. Двухтомник «Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей» включал 832 статьи, где 171 статья первой книги непосредственно посвящена тюремной системе России. В царствование Николая I была проведена систематизация уголовного законодательства и в 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.[6] Устав Попечительского о тюрьмах общества дополнялся и корректировался ещё многие годы. При этом роль тюремных учреждений возрастала, а ссылки – снижалась. Получила своё определение и новая категория заключённых: государственные или политические преступники, которые стали относиться к особым и должны содержаться отдельно от остальных. В 1875 г. в Санкт-Петербурге была открыта первая в России следственная тюрьма, которая имела 317 одиночных и 68 общих камер. Первоначально она называлась Домом предварительного заключения. В феврале 1879 г.

[1] *А.С. Смыкалин*. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург. 1997 г. С. 8
[2] Там же. С. 11
[3] Там же. С. 12
[4] Там же. С. 12
[5] Там же. С. 13
[6] Там же. С. 14

было создано Главное тюремное управление в ведении Министерства внутренних дел, а позднее – Министерства юстиции.[7] Т.к. особое внимание уделялось нравственно-духовному воспитанию заключённых, то Законом от 15 июня 1887 г. устанавливалось наличие в местах лишения свободы священников, диаконов и псаломщиков как сотрудников администрации этих мест, а оклад священника был равен жалованию начальника тюрьмы. Реформы в тюремной системе царской России продолжались вплоть до октября 1917 г.[8] С приходом к власти большевиков во главе с В.И. Ульяновым – Лениным уже 8-9 ноября 1917 г. (по новому стилю) было создано новое и первое советское правительство в виде 13-ти Комиссариатов (СНК), в которое вошли Народный Комиссариат юстиции (НКЮ) и Народный Комиссариат Внутренних дел (НКВД).[9] В основу деятельности этих двух наркоматов легла пенитенциарная система царской России со всеми своими наработками в законодательной документации и существующей системой мест содержания и изоляции.

На основании вышеизложенного однозначно можно утверждать, что советская пенитенциарная система не создавала ничего нового в этом направлении своей деятельности, а взяла за основу многовековой опыт царской России и зарубежных стран, при этом – смогла в короткие сроки трансформировать всю эту систему, сменив приоритеты и задачи. В основном деятельность советской пенитенциарной системы отрабатывалась и значительно видоизменялась в 1920-1930-е гг.

[7] Там же. С. 16
[8] Там же. С. 17
[9] Указатель дел ГА РФ. Том 7, с. 397

Соловецкая тюрьма ГУГБ НКВД

Репрессивные структуры на Соловках просуществовали всего 19 лет – с 1920 по 1939 гг. Только два года в этой система на островах действовала тюрьма Главного Управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД. До конца 1936 г. на островах существовало только лагерное содержание заключённых. Система и условия содержания за 16 лет несколько раз видоизменялись и трансформировались в зависимости от целей и задач государственной власти в отношении изоляции преступных элементов.

Что послужило причиной и поводом для введения на Соловках тюремной формы содержания осужденных? Каковы были цели такого нововведения и каковы главные причины кратковременности этой структуры на архипелаге? Этими вопросами сознательно задаются исследователи, которые погружаются в тему о репрессиях не только на Соловках, но и по всей территории бывшего СССР.

Данная работа – это попытка дать ответы на эти вопросы, а также по возможности – изложить последовательную историю тюремного периода на Соловецких островах.

В 1923-1925 гг. проходили значительные реформы в соловецкой лагерной системе. На основании распоряжений и постановлений руководства ОГПУ-НКВД и утверждением Положения о СЛОН ОГПУ[10] Северные лагеря реформированы в Соловецкие Лагеря Особого назначения (СЛОН) ОГПУ. На основании этого Положения система содержания заключённых претерпела значительные изменения. На островах было организована шесть отделений со своими небольшими лагпунктами и командировками. I-е Отделение СЛОН ОГПУ, кремлёвское, было самое крупное, оно размещалось на территории монастырского кремля. Само I-е Отделение по содержанию заключённых состояло из 14-ти рот в зависимости от категорий и занятости осужденных. В основном, роты представляли собой монастырские помещения, приспособленные для проживания различного числа заключённых: от 15-20 человек до 300-450. В 13-ти ротах отделения помещения были оборудованы нарами или настилами (в некоторых ротах – топчанами) для совместного содержания большого скопления заключённых, состав которых постоянно менялся, а ротные и старосты из числа тех же заключённых следили за размещением заключённых и исполнением ими правил внутреннего распорядка лагеря. Во многих литературных источниках – воспоминаниях бывших заключённых – достаточно много информации о такой форме содержания и быта заключённых. Но в I-м Отделении была сформирована отдельная рота № 14 так называемая «запретная», которая располагалась в южном дворике кремля и доступ к ней был ограничен. Смею предположить, что эта рота изначально была организована с тюремным режимом содержания. Т.к. в каждой тюрьме существовали различные условия режима содержания осужденных, то и в 14-й роте присутствовали такие же различия. В воспоминаниях бывших заключённых о 14-й роте информации очень мало и она также разноречива. Бывший заключенный Клингер в своей книге «Соловецкая каторга» уделяет этой роте всего несколько строк: «*За незначительные «преступления» заключенные попадают в карцер, устроенный в одном из корпусов*

[10] ЦА ФСБ. Ф.2, оп.2, д.10, л.40-45

Кремля. Сидящих в карцере на прогулки не выпускают, выдают им уменьшенный паек, держат в абсолютной темноте днем и ночью»[11]. М.З. Никонов-Смородин об этой роте также немногословен: «*Четырнадцатая запретная рота. «Запретники» – заключенные, находящиеся под особым наблюдением, работающие только в стенах кремля*»[12]. Более конкретно об этой роте пишет М.М. Розанов: «*В Прачечном корпусе южного дворика была устроена «секретная» рота для заключённых на тюремном режиме содержания. У корпуса были отстроены прогулочные дворики, заключённых этой роты выводили на работы только в темное, зимнее время года. Состав ее колебался от ста до 300 человек*»[13]. Н.И. Киселев-Громов так описывает эту роту: *«…опасные каэры переводятся в 14-ую роту и в ней находятся годы. Она помещается в другом бывшем соборе, метрах в ста от 13-й роты, называется «запретной» и служит местом постоянного пребывания заключенных, способных по мнению ИСО к побегу. Главный контингент ее составляют интеллигенты и лица духовного звания; кроме того, в ней в течение нескольких лет, было много туркмен и киргизов. Командиром роты в мое время был некто Сахаров, Владимир Алексеевич, — сам из «каэров», бывший офицер. Заключенные 14 роты находятся под непрерывным и неослабным надзором командира роты и командиров взводов. Даже в «центроуборную» их водят под конвоем. Они не имеют права выходить на работы вне стен Кремля и работают на самых тяжелых и грязных работах*»[14]. Все эти воспоминания не имеют конкретики в объяснении и описании запретной роты. Это и понятно – заключенные других рот не могли быть достаточно информированы об истинном значении этой роты, а небольшие отрывочные сведения – это характерный показатель того, как заключенные боялись в неё попасть. Допускаю, что корпус 14-й роты был уже в то время организован для тюремного содержания. Там содержался особый контингент уже по тюремным правилам и одних выводили на работы, а других – только на краткие прогулки в дворики, размещенные у корпуса. Сам вид корпуса и двориков уже вызывал страх у тех заключенных, которые могли это видеть.

С лета 1929 г. ситуация на Соловках резко менялась. За три года Соловецкие лагеря претерпели значительные реформы. Перемены в репрессивной системе по всей стране значительно отразились на Соловецкой лагерной системе. С лета 1933 г. Соловки стали 8-м отделением (штрафным и инвалидным) Беломорско-Балтийского комбината и Лагеря НКВД[15], куда направляли заключенных «по особой инструкции»[16]. Сюда стали направлять заключённых с приговорами не только на 5-6 лет лагерного заключения, но и с приговорами к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ, а также на 8-10 лет тюремного. Это хорошо прослеживается в документах – расстрельных протоколах Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД 1937-1938 гг., где в кратких информационных справках указано – когда и с каким приговором поступали заключенные в Соловки. Большинство из них прибыло в 8-е

[11] *А. Клингер*. Соловецкая каторга. Записки бежавшего. Берлин. 1928 г. С. 188
[12] *М.З. Никонов-Смородин*. Красная каторга. София. 1938. С. 108
[13] *Розанов М. М*. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922 – 1939: Факты – Домыслы – «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. США. 1979. Кн. 2, с. 44.
[14] *Н.И. Киселев-Громов*. «Лагери смерти в СССР» Шанхай. 1936 г. С.86, 107, 120.
[15] НАРК. Ф.865, оп.2, д.4-17, л.121, 135.
[16] Пр. 00381 ОГПУ от 04.12.33 г.; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник. М. 1998 г. С. 396.

Соловецкое отделение ББК НКВД в 1933-1934 гг. В кремлевских постройках в этот период уже не было многочисленных рот, как в 1920-е г., заключенных лагерного режима по-прежнему содержали в монастырских корпусах, но с меньшей наполняемостью помещений. Но где находились те заключенных, которые уже в тот период поступали в Соловки с приговорами на тюремный режим содержания? Допускаю, что тот же корпус, в котором содержали «запретников» в 1920-е гг., стал одним из мест такого содержания. Об этом вкратце указывает Ю.И. Чирков (в Соловках с 1935 г.) в своих воспоминаниях: «*Несколько корпусов выделялись щитами, закрывавшими окна. Эти ряды слепых окон были страшны. Я догадался: тут секретные изоляторы. Глухие заборы с колючей проволокой наверху отделяли корпуса СИЗО от кремлевских дворов*»[17]. О секретных изоляторах в лагере практически сведения отсутствуют, но Ю.И. Чирков, ссылаясь на одного заключённого, предоставляет нам дополнительную информацию о них: *«… Офеня рассказал, что народу на острове много, но большинство заключено в кремле. Там есть секретные изоляторы, называются СИЗО. В них особо охраняемые политические, которых никто не должен видеть*»[18]. Такие СИЗО однозначно говорят о строгости содержания определенного контингента на острове и уже размещении тюремных помещений в кремле за два года до организации в Соловках Тюрьмы ГУГБ НКВД.

Считаю необходимым, для полного понимания вопроса об организации в Соловках тюрьмы ГУГБ НКВД, вкратце осветить ту ситуацию, которая происходила в недрах репрессивной машины, в её верхах и в самой системе мест изоляции.

Как в руководящих структурах, так и в самой карательно-репрессивной системе с 1934 г. прошли большие реформы. Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. ОГПУ было упразднено и, на его базе был образован НКВД СССР во главе с Г.Г. Ягодой.[19] В октябре 1934 г. все места заключения НКЮ были переданы ГУЛАГу НКВД СССР. ГУЛАГ получил новое название: Главное управление лагерей, трудовых поселений и мест заключения НКВД СССР. С упразднением ОГПУ его Тюремный отдел был реорганизован в Тюремный отдел АХУ НКВД СССР и ему были переданы все дома заключения (Домзаки) и полит-изоляторы ОГПУ Особого Назначения: Бутырский, Верхнеуральский, Суздальский, Ярославский, Сретенский, Челябинский.[20] Приказом НКВД СССР от 11.11.1935 г. полит-изоляторы и изоляторы были переименованы в тюрьмы НКВД.[21] Таким образом, к 1935 г. все места лишения свободы в СССР были сосредоточены в ведении одного наркомата – НКВД СССР. В 1936 г. система Исправительных Учреждений в СССР официально пополнилась новыми местами лишения свободы – тюрьмами. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 08 августа 1936 г. к тюремному заключению приговаривали лиц, совершивших наиболее общественно опасные преступления, а органам НКВД было предоставлено право переводить в тюрьмы лиц, систематически нарушавших режим ИТЛ и ИТК[22].

---

[17] *Ю.И. Чирков.* А было всё так… М. 1991 г. С. 22.
[18] Там же. С. 13
[19] Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Справочник. М. 2003. С. 6, 59, 545-546.
[20] Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник. М. 1998 г. С. 538.
[21] Там же. С. 538
[22] А.С. Смыкалин. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург. 1997. С.224.

26 сентября 1936 г. Наркомом ВД СССР был назначен Н.И. Ежов. С приходом Н.И. Ежова структура ГУГБ НКВД подверглась значительной реорганизации. Уже 28 ноября 1936 г. Приказом НКВД СССР № 00383 в составе Комиссариата на базе Тюремного отдела АХУ НКВД СССР был образован Тюремный отдел ГУГБ НКВД. Этому отделу были подчинены тюрьмы особого назначения и тюрьмы ГУЛАГа по особому списку. Приказом НКВД СССР № 00411 от 25 декабря 1936 г. в целях конспирации всем отделам ГУГБ были присвоены номера, где Тюремный отдел стал десятым[23]. В 1938 г. на базе Тюремного отдела НКВД и ОМЗ ГУЛАГа было организовано Главное тюремное управление (ГТУ) НКВД. В подчинении ГТУ находились:

- Центральные тюрьмы ГУГБ НКВД СССР – Внутренняя, Лефортовская, Бутырская, Сухановская, Тюрьма спецназначения и психиатрическая тюремная больница в г. Казани;
- Тюрьмы ГУГБ НКВД СССР для осуждённых – Владимирская и Орловская;
- Общие тюрьмы;
- Внутренние тюрьмы и тюремные камеры НКВД/УНКВД;
- Тюрьмы специального назначения;
- Внутренние тюремные камеры дорожно-транспортных отделов.[24]

Начальником 10-го Тюремного отдела ГУГБ НКВД СССР с 1936 по 1940 гг. был старший майор ГБ Вейншток Я.М. (с 28 ноября 1936 по 28 марта 1938г.) В июне 1938 г. Приказом НКВД СССР № 00362 была объявлена новая структура оперативно-чекистского управления НКВД СССР, на основании которой Тюремный отдел НКВД СССР возглавил майор ГБ Антонов-Грицюк Н.И. (с 28 марта по 23 октября 1938 г.), а 29 сентября 1938 г, Приказом НКВД СССР № 00641 на базе тюремного отдела НКВД СССР было образовано Главное тюремное управление (ГТУ). Начальниками Главного тюремного управления (ГТУ) были: полковник Бочков В.М – с 23 ноября по 28 декабря 1938 г.; комбриг Галкин А.Г. – с 13.01.1939 г. по 14 марта 1940 г. [25]

На основании этих реформ повсеместно шло расширение тюремных мест изоляции. Приказом № 00383 от 28 ноября 1936 г. НКВД СССР было решено расширить эту систему мест заключения введением и на Соловках тюремного содержания[26]. В соответствие с Приказом НКВД СССР № 0076 от 20 февраля 1937 г.[27] 8-е Соловецкое ЛО Беломорско-Балтийского Комбината и Лагеря НКВД было передано в подчинение 10-му отделу ГУГБ НКВД и на Соловках открыта тюрьма ГУГБ НКВД СССР с лимитом в 3132 человек. Тюрьма была организована в четырёх пунктах: на территории келейных корпусов Соловецкого кремля и в двухэтажных кирпичных постройках на территории бывших монастырских скитов – Савватьевском, Муксоломском и Троицком. А.Я. Разумов в своей статье «Скорбный путь Соловецких этапов» сообщает: «*Весной 1937 г. начальнику*

---

[23] Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Справочник. М. 2003. С. 63, 64.
[24] Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник. М. 1998 г. С. 538.
[25] Кто руководил НКВД.1934-1941. Справочник. М. 1999. Стр. 47, 50, 52;
Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Справочник. М. 2003. С.67-69; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник. М. 1998 г. С. 538.
[26] Приказ № 00383 НКВД СССР от 28.11.1936 г. Архив ИЦ МВД РК. Справка.
[27] Там же.

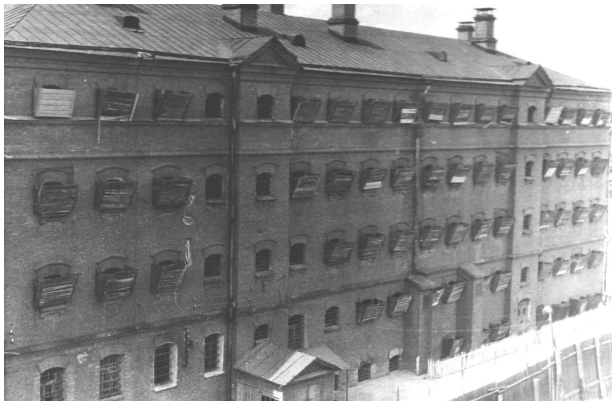
Костромского горотдела НКВД капитану госбезопасности Раевскому предложили должность начальника новообразованной Соловецкой тюрьмы. Он отказался, но согласился на должность заместителя и практически принял на себя основные обязанности. 18 июня 1937 г. Раевский вступил в должность помощника начальника Соловецкой тюрьмы ГУГБ по оперативной части. Начальником назначили известного чекиста, старшего майора госбезопасности И. А. Апетера. Когда-то оба работали в Центрально-Чернозёмной области. В Соловки приехали вместе.»

Для обслуживания тюрьмы и обеспечения её всем необходимым был оставлен лагерный контингент, который располагался при всех четырех пунктах. Он использовался на таких работах как – заготовка дров и торфа, сенокосы, сельхозработы, в небольших ремонтных мастерских, на ремонте дорог и на небольших производствах. При этом заключенные лагерного контингента подчинялись непосредственно руководству Соловецкой тюрьмы ГУГБ. Уже с 1936 г. на территории кремля работало конструкторское бюро из заключённых по проектированию и перестройке корпусов на тюремный режим согласно тюремным нормам. Затем началась постепенная перестройка монастырских территорий, корпусов и помещений. Большие помещения были перестроены на камеры для содержания от 1 до 6-х человек. На оконных и дверных проёмах были установлены двойные металлические решётки, с наружной стороны на окнах были навешены щиты – «намордники», в дверных полотнах прорублены «кормушки» и «волчки»; по корпусам перестроены все междуэтажные лестницы в лестничные марши с решетками и сетками. В центральном дворике Соловецкого кремля были снесены все цветники, вырублены все кустарники и деревья, снесены ограды, две часовни и два колодца. На этой территории были выстроены многочисленные прогулочные дворики для тюремных заключённых. Весь лагерный контингент постепенно был выведен за территорию кремля. Вокруг келейных корпусов на территории бывших скитов так же шло приспособление построек под тюремные корпуса: были выстроены ограждения из «колючки» с вышками по периметру, с прогулочными двориками, с проходными-пропускниками, соответственно менялся облик помещений и коридоров и в каменных корпусах.

Ил. № 1. Таганская тюрьма. Вид на тюремный корпус. Фото до 1917 г.

Ил. № 2. Орловский централ. Фото до 1917 г.

Как внешне выглядели монастырские постройки того периода – фотоматериалов в доступных архивных источниках не обнаружено. Можно только предполагать, т.к. вся большевистско-советская тюремная система базировалась на опыте как мировой, так и дореволюционной практике царской России. Хорошим примером для этого могут служить внешние виды корпусов Таганской тюрьмы (ил. № 1), Орловской тюрьмы (ил. № 2) и других тюрем (ил. № 3), где окна с внешней стороны закрыты щитами – «намордниками». Уверена, что такие же щиты – «намордники» были и на окнах корпусов Соловецкой тюрьмы. Это подтверждает фотография 1932-1933 г., где аналогичные таганским щиты – «намордники» были установлены на окнах церквей (нижней и верхней) на г. Секирной (ил. № 4), когда там размещался мужской штрафной изолятор IV-го Отделения СЛОН ОГПУ. В начале 1930-х гг. штрафизолятор там был ликвидирован, а момент демонтажа этих щитов и был зафиксирован на фотографии. Этот снимок подтверждает, что опыт закрытия окон щитами – «намордниками» был применим на Соловках еще в 1920-е гг. Допускаю, что именно такая форма щитов применялась ещё в 1920-е гг. в Соловках на окнах корпуса «запретников» 14-й роты, а также на окнах СИЗО в 1935 г., о которых упоминает Ю.И. Чирков в своих воспоминаниях.[28] Такая форма щитов – «намордников» была определена для всех видов построек с тюремной формой изоляции и оговаривалась в соответствующих инструкциях, как и наличие «кормушек» и «волчков», оконных и дверных решеток, прогулочных двориков и др. Соловки очередной раз меняли свой облик в соответствии с новой формой изоляции и более суровым режимом содержания заключённых. Постепенно изменились на Соловках как состав руководства, так и сам содержащийся здесь контингент.



Ил. № 3. Тюремный корпус, где на окнах щиты «намордники».

Ил. № 4. Щиты-намордники на окнах церкви на г. Секирной. Фото 1932-1933 гг.

Приказ об открытии тюрьмы на Соловках относится к январю 1937 г. В это время острова оторваны от материка ледовой обстановкой. Переустройство всей системы с лагерной на тюремную шло в течении нескольких месяцев. За это время была произведена полная замена руководящего состава НКВД и вольнонаемного персонала на различных уровнях хозяйственно-административного аппарата; сокращена численность охранного полка для лагерного контингента и увеличена для охраны тюремных пунктов; проведена

[28] *Ю.И. Чирков.* А было все так… М. Политиздат. 1991. С. 22

«разгрузка» Соловков из числа лагерного контингента. Комиссия в составе представителей из Москвы и нового руководства Соловков пересматривала все личные (надзорные) дела осужденных лагерного заключения, отбирая одних на «разгрузку», других – на перевод в тюрьму с увеличением сроков изоляции. При этом «разгрузка» – перевод заключенных на материковые отделения ББК и Лагеря НКВД и перевод с лагерного режима на тюремный шли параллельно. Такая форма заполнения лимита вновь организованной тюрьмы была вполне законной, т.к. начальство тюрьмы в данном случае руководствовалось официальными документами и, к тому же, этому способствовало два обстоятельства: во-первых, с 1931 г. здесь в Соловецком лаготделении содержали различные категории «особо опасных» заключённых, во-вторых, Постановление СНК СССР от 08 августа1936 г., предо-ставляло право органам НКВД переводить в тюрьмы лиц, систематически нарушавших режим ИТЛ и ИТК.[29]

Соловецкая тюрьма, как была сказано выше, состояла из четырех пунктов: 1-го кремлевского, 2-го – савватьевского, 3-го – муксалмского и 4-го – анзерского на бывшем Троицком скиту. Подробное описание каждого пункта с его внешним видом, режимом содержания и составом заключенных в настоящее время практически невозможно. Это связано с недоступностью архивных источников в отношении Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД. Но небольшая информация по этим ключевым вопросам присутствует в опубликованных мемуарах и воспоминаниях бывших заключенных тюрьмы. Этих воспоминаний не так много, но они достаточно формируют представление о том, как выглядели Соловки, кто и как содержался, какие значимые события происходили в тот период.

Как и во всех тюрьмах на материке, так и на Соловках режим содержания для разных категорий осужденных был различным. Одни заключенные содержались в групповых камерах с возможностью общения, другие в общих камерах были полностью этого лишены. Были одиночные камеры и групповые, были мужские камеры и женские (до весны 1938 г.), были камеры с посещением прогулочных двориков, где было разрешено общение между заключенными и камеры с полным запретом общения даже во время прогулок. Из воспоминаний тех, кто прошел Соловецкую тюрьму, можно заключить, что самый строгий режим содержания для большинства заключенных был в кремлевском пункте.

В первую очередь хочу уделить внимание содержанию в Соловецкой тюрьме женского контингента. К сожалению, в настоящее время есть только одно воспоминание о них в тюрьме – это воспоминания, опубликованные Ольгой Львовной Адамовой-Слиозберг в книге «Путь», изданной в 1993 г. Эти воспоминания предоставили нам богатейшую информацию о режиме содержания в тюрьме женщин, о составе этих заключенных, о системе их охраны. Одним из важнейших моментов этой информации являются сведения о периоде вывода женского тюремного контингента с Соловков.

Ольга Львовна Адамова-Слиозберг прибыла с этапом в Соловки в ноябре 1936 г. с приговором – 8 лет тюремного заключения со строгой изоляцией, 4 года последующего

[29] *А.С. Смыкалин.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург. 1997. С.224.

поражения в политических правах и конфискацией имущества. Т.е. она была направлена в Соловки на строгое тюремное заключение ещё до организации тюрьмы ГУГБ НКВД на острове. Этот факт подтверждает, что на Соловках ещё при системе лагерного содержания в структуре ББК и Лагеря НКВД уже содержали тюремных заключенных, размещая их в соответствующих условиях. Об этих корпусах упоминает Юрий Иванович Чирков, отправленный в ЛО на Соловках в 1935 г. В своей книге он пишет об этом периоде: «*Несколько корпусов выделялись щитами, закрывавшими окна. Эти ряды слепых окон были страшны. Я догадался: тут секретные изоляторы. Глухие заборы с колючей проволокой наверху отделяли корпуса СИЗО от кремлевских дворов*»[30]. Работая в лагерной библиотеке, Юрий Иванович пытался выяснить *«… о числе читателей в СИЗО № 2 и кто это может быть. … это 28 камер, так как в больших связках бывает и по два списка, написанных разными почерками. Говорят, что есть и семейные камеры, где вместе сидят муж и жена или мать и дочь*».[31] Конечно, эти сведения значительно дополняют то, о чем пишет О.Л. Адамова-Слиозберг. При этом она сообщает: «*На Соловках не были готовы камеры, и временно нас поместили в большую камеру, бывшую трапезную. Печи там огромные, в полстены, очень теплые, полы добротные, из аршинных досок. Стены беленые, диваны деревянные со спинками. Подали неплохой обед*.»[32] После Бутырской тюрьмы, где содержалась Ольга Львовна во время ведения следствия, помещения келейного корпуса мало ей напоминали тюремную камеру. Её воспоминания ценны тем, что она сообщает, в незначительных на первый взгляд фактах, перевод соловецкой системы из лагерной в тюремную. Из воспоминаний становится известно, что женский тюремный контингент до официальной организации тюрьмы ГУГБ НКВД содержался в достаточно свободном режиме. Сокамерницы могли общаться между собой, заниматься в течении дня физзарядкой, читать художественную литературу российских и мировых классиков, заниматься образованием по разным специальностям. Прогулки на свежем воздухе и длительностью в 1 час проходили в форме свободного общения. «*Мы никогда не лежали на постелях и не спали днем, чтобы утомиться и спать ночью. Это был очень хороший режим, и, кажется, только наша камера ввела у себя такой. В остальных камерах много плакали, читали, лежа в кровати, много вспоминали прошлую жизнь. Потом, когда через года полтора нас соединили, мы от них резко отличались.*»[33] Упоминает Ольга Львовна и тюремного на тот период начальника – Монахова. Предполагаю, что он был комендантом тюремных корпусов СИЗО и, в дальнейшем, кремлевского пункта тюрьмы. О Монахове вспоминает и Ю.И. Чирков: «*Я узнал Монахова, начальника 3-й части. По лагерной иерархии он был на одном уровне с начальником управления Агаповым*».[34] При этом в своей книге Ольга Львовна достаточно тепло отзывается о Монахове: «*Монахов частенько к нам заглядывал. В конце 1937 года его за либерализм в общении с «врагами народа» арестовали. Он скрасил нам год жизни в*

---

[30] *Ю.И. Чирков.* А было все так… М. Политиздат. 1991. С. 22.
[31] Там же. С. 79.
[32] *О. Л. Адамова-Слиозберг.* Путь. М. 1993. С. 48.
[33] Там же. С. 50.
[34] *Ю.И. Чирков.* А было все так… М. Политиздат. 1991. С. 50.

тюрьме. Это был очень хороший человек»[35]. Перемены в режиме с организацией тюрьмы Ольга Львовна описывает достаточно скудно, но при этом обращает внимание на характерные для того времени моменты: «*А осенью 1937 года вдруг перестали давать книги из библиотеки. Мы жили без книг месяцы, и, наконец, нам дали новый каталог, где учебники были в объеме средней школы, иностранных и научных книг вообще не было. ... Тогда же нам перестали давать газеты*»[36]. «*Два дня нас не водили гулять, а когда мы вышли на прогулку — ахнули. Наше милое кладбище было разделено на загончики с высокими стенами. Ни одной травинки, ни кустика не было на земле*»[37]. «*Меня ввели в камеру, где сидели четыре женщины. Познакомившись, я узнала, что все они имели приговоры по статье 58-10 по три года, до сих пор были в лагере, теперь сроки их окончились. Когда их взяли из лагеря в тюрьму, они были уверены, что их отправляют на материк для освобождения. Задержка их очень волновала. Утешали себя тем, что закрыта навигация*»[38]. «*Вошел корпусной, вызвал без вещей Машу Яровую, а Нема появилась в дверях бледная как полотно. Маша вышла. Нема еще не произнесла ни слова. Потом сказала: — Прибавили срок до десяти лет. Еще отбывать семь лет. ... Открылась дверь, и с рыданиями вбежала Маша и бросилась на постель: — Довесили семерку Две остальные вышли и вошли обратно с плачем и криками. Было тяжело смотреть, как жизнь разбила все их планы и мечты*»[39]. Так описывает Ольга Львовна ситуацию перевода заключенных из лагерного режима на тюремный. Практически, на этом воспоминания о соловецком тюремном периоде О.Л. Адамовой Слиозберг завершаются. Но завершаются значительным фактом в истории Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД – выводом женского тюремного контингента с островов уже весной 1938 г, за полтора года до закрытия этой организации на Соловках: «*Весной 1938 года к нам в камеру привели двух женщин, которые, заболев, отстали от своего этапа. От них я узнала, что женская тюрьма на Соловках ликвидируется, и всех заключенных перевозят на материк. То же ожидало и нас. Я мысленно оглядела полтора года, прожитые на Соловках*».[40] К факту о закрытии женской тюрьмы в Соловках я еще вернусь.

Постепенный переход лагерного режима на тюремный в Соловках описан не только в воспоминаниях О.Л. Адамовой-Слиозберг и Ю.И. Чиркова, но и Сергея Васильевича Щеголькова. Восемнадцатилетним парнем Сергей Щегольков ещё в 1933 г. направлен в Соловки по приговору – 10 лет ИТЛ по ст. 58-8,10,11. О произошедших переменах он сообщает не много, но и это дополняет общую картину событий того времени: «*Из всех жилых корпусов (келий) в Кремле заключенных выселили в построенные для этого бараки, а Кремль превратили в тюрьму. Во всех жилых корпусах Кремля на окнах врезали железные решетки и снаружи повесили деревянные щиты («намордники»), чтобы чуть-чуть было видно из камеры белого света (больше не полагалось). К дверям камер (келий) приделали замки и сделали в них окна для подачи пищи и «глазки» для наблюдения*

[35] *О. Л. Адамова-Слиозберг.* Путь. М. 1993. С. 50.
[36] Там же. С. 51.
[37] Там же. С. 52.
[38] Там же. С. 54.
[39] Там же. С. 55.
[40] Там же. С. 56.

за узниками. В камере у стены топчан (деревянный щит на двух козелках), у дверей «параша». Во дворе Кремля и снаружи постоянная охрана»[41]. О содержании на лагрежиме он вспоминает: «*Если до организации тюрьмы лагерники жили как-то посвободнее, то с ее организацией режим ужесточился. Ограничили передвижение по острову, заключенные знали только барак и работу. В тюрьму лагерников помещали только в случаях этапирования куда-то. На этапы вызывали часто и многих, а больше всего на смерть, когда этапировали в сторону Секирной горы, под усиленной охраной с пулеметом и собаками. ...Вскоре меня «присмотрел» заведующий электростанцией Овсяный Иван Семенович и перевел меня поммашиниста (масленщиком) в машинный зал, а затем и своим помощником – механиком. В этой должности с весны 1934 года я проработал до лета 1938 года*»[42].

Более обширны воспоминания Юрия Ивановича Чирков об этом периоде. Юрий Чирков на Соловки попал в шестнадцатилетнем возрасте с приговором – 3 года ИТЛ по ст. 58-8,10,11. При этом, хочу обратить внимание, что С.В. Щегольков с таким же букет подпунктов ст. 58 был отправлен в Соловки на 10 лет, и это не поддается никакой логике. Ю.И. Чирков в своей книге «А было всё так…» упоминает, что карантинная рота уже расположена в северной части поселка и представляет собой хорошо охраняемый обособ-ленный барачный городок, режим содержания не строгий, на работы не выводят. Достаточно интересны его описания кремлевского лагпункта на 1935-1937 гг. и перемен в 1937-1938 гг. «*Наконец нас перевели в кремль и распределили по колоннам. Колонна, по лагерной терминологии того времени, не архитектурная деталь, а подразделение лагпункта. В лагпункте «Кремль» в конце 1935 года было три колонны*»[43]. О переменах Юрий Иванович пишет мало, но все они по разным причинам были некоторым образом связаны с его непосредственным поведением в лагере, что и оставило свой след в памяти: «*Библиотеку закрыли, и только СИЗО регулярно снабжали книгами*»[44]. В своих воспо-минаниях Юрий Иванович уделяет достаточно внимания своим переживаниям, эмоциям, что характерно для молодого человека в той ситуации. При этом в изложении событий часто присутствует элемент бравады в описании голодовок, отсидок в карцерах и др. Допускаю, что такое изложение событий – это своеобразное решение автора, тем более, что время составления текстов воспоминаний относится к периоду 1970-1980- гг. В это время Ю.И. Чирков – профессор, заведующий кафедрой метеорологии и климатологии Академии им. Тимирязева. Но вернемся к событиям на Соловках в 1937-1938 гг. Попав в КУР – Колонну усиленного режима за нарушения, Юрий Иванович дает краткое описание этой колонны: «*КУР окружен колючей проволокой с вышками по углам. Полная изоляция от соловецкого «света». Информации никакой. Книг мало – какая-то плохая передвижная библиотека. Здесь нары двухэтажные, народ весь приличный, бытовиков и урок нет. В другом отделении барака находятся бытовики, из них многие урки. ... Хохлов*

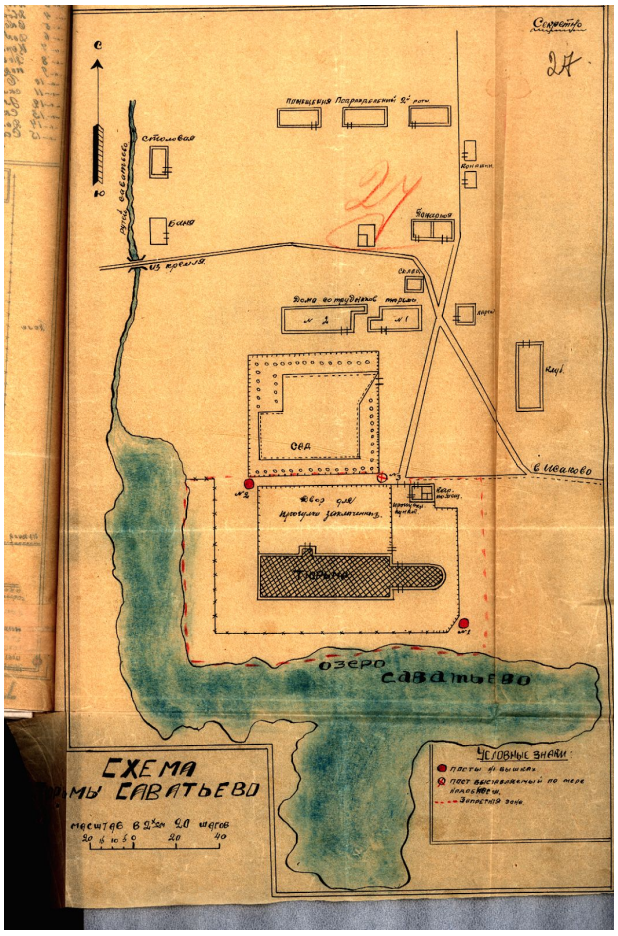
---

[41] *Щегольков С. В.* Небольшое повествование о том, как советская власть и партия ВКП(б) сделали меня "государственным преступником-террористом", который готовил покушение на жизнь товарища Сталина. М. 1999. С. 8.
[42] Там же. С. 9.
[43] *Ю.И. Чирков.* А было все так… М. Политиздат. 1991. С. 21.
[44] Там же. С. 135.

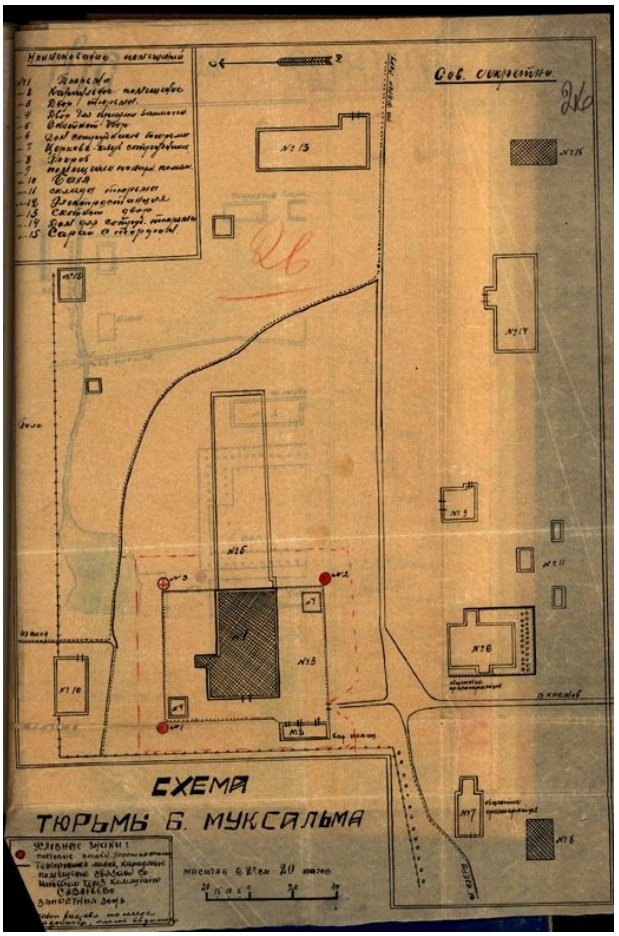
объявил: «Завтра новое начальство придет принимать КУР. Они уже больше недели в Соловках. Лагеря больше нет. Есть Соловецкая тюрьма особого назначения – СТОН»[45]. А так же повествует о переменах в лагере: «*Я старший майор госбезопасности Апетер – начальник Соловецкой тюрьмы особого назначения. Ваше подразделение отныне именуется не КУР, а КОН, то есть колонна особого назначения*»[46]. «*Сидение в КОНе было нудным. Хохлов несколько облегчал существование, принося продукты из последней посылки, рассказывая новости, передавая газеты. Он остался старшим вахтером. В августе Хохлов шепнул мне, что ряд бывших соловецких начальников арестованы и что скоро нас переведут в кремль, а в этих бараках разместятся новые подкрепления стрелков. В конце августа урок куда-то увезли, а через день нас перевели в кремль. Я попал в четвертую колонну, которая размещалась в том же корпусе, где была раньше резиденция начальника лагпункта «Кремль». Теперь резиденция нового начальства помещалась в трехэтажном корпусе второй колонны, реконструированном и отремонтированном. В четвертой колонне нас поместили в большой, человек на 60, камере, где почти все верхние места были свободны*»[47]. Значительные и важные события в истории того периода, лета и осени 1937 г., сообщает Юрий Иванович в своей книге. Это касается и руководства, и контингента, и режима, и общей ситуации на островах. «*В первый же день после перевода из КОНа в кремль все побежали искать знакомых. Выяснилось, что часть обитателей кремля вывезена на другие лагпункты, чтобы освободить место для перестройки корпусов под тюрьму, другие, с большими «букетами», посажены в тюремный корпус № 1, переделанный из первой колонны. Те же, кто заканчивал срок в 1937 году, вывезены этапом*»[48]. «*Йодпром и Рыбпром и другие промыслы прекратили свою работу, заключенные были разбросаны по лагпунктам. Прекратило деятельность и проектно-сметное бюро, в завершение составив проект перестройки монастырских помещений в тюремные. ... В кремлевских дворах было сравнительно малолюдно. Цветники во втором дворе уничтожены. Закрытые щитами окна первой колонны выглядели как ослепленные. Время от времени заключенных привлекали к работам в кремле: уборка строительного мусора, разгрузка и переноска кирпичей и т. п.*»[49]. «*Режим в СИЗО (СИЗО № 2) уже стал не тот, что в 1935—1936 годах. Книг и газет не давали, на прогулку не выводили, кормили плохо, лежать днем не разрешали. В изоляторе было голодно и тихо…*»[50].

Воспоминания, изложенные выше, относятся в основном к переходному периоду в организации и устройстве тюрьмы на Соловках. К сожалению, ни в каких источниках не обнаружена информация о том, каким был 4-й тюремный пункт – в бывшем Троицком скиту на о. Анзер. Он просуществовал только год и уже на 01.01.39 г. в документах ГУГБ НКВД этот пункт отмечен, как не действующий. Сведения о 2-м пункте – Савватьевском так же малы. Есть очень скудная информация у Ю.И. Чиркова на конец января 1938 г.: «*В*

[45] Там же. С. 165.
[46] Там же. С. 167.
[47] Там же. С. 169.
[48] Там же. С. 170.
[49] Там же. С. 171.
[50] Там же. С. 172.



Ил. № 5. План-схема Савватьевского тюремного пункта на 01.01.1939 г.



Ил. № 6. План-схема Муксалмского тюремного пункта на 01.01.1939 г.

конце января нам объявили, что поведут в Савватьево в баню. Савватьевский СИЗО с закрытыми щитами окнами выглядел мрачно…»[51]. В фондах ГАВМФ Санкт-Петербурга были обнаружены интересные документы, которые относятся к периоду деятельности Соловецкой тюрьмы: три плана-схемы. Один из них касается Савватьевского тюремного пункта на 01.01.1939 г. (Ил. № 5) В настоящий момент по этим двум тюремным пунктам (2-й и 4-й) есть перечень построек из Реестра зданий и сооружений ГУГБ НКВД на 01.01.39 г. По 3-му пункту тюрьмы – Муксалмскому в настоящее время имеется значительно больше информации: план-схема тюремного пункта на 01.01.1939 г. (Ил. № 6), перечень построек из Реестра зданий и сооружений ГУГБ НКВД на 01.01.39 г., а также – единственное из выявленных воспоминание заключенного – Сурена Ованесовича Газаряна.

Сурен Ованесович Газарян – бывший сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД Закавказья, осужден по ст. 58-11 к 10 годам тюремного заключения, с поражением в политправах на 5 лет и конфискацией имущества. Прибыл в Соловецкую тюрьму в ноябре 1937 г. Его воспоминания интересны достаточно обширной информацией о Муксалмском тюремном пункте, режиме содержания, составе заключенных. В своих воспоминаниях составу

[51] Там же. С. 190.

заключенных он уделяет особое внимание, что делает его документальную повесть (как он сам охарактеризовал) уникальной. В этом проявились его профессиональные навыки на службе в органах ЧК-ГПУ-НКВД. «*Среди нас было много других заключенных, в основном москвичей. Среди москвичей было много работников авиационной промышленности, авиационных институтов, конструкторских бюро. ...Мы увидели на окнах отдельных корпусов монастыря такие же железные козырьки, какие были в тбилисской тюрьме. Нас, тбилисцев, повели отдельной группой*»[52]. В начале своих воспоминаний он описывает ситуацию в кремлевском пункте, где пробыл не долго, но достаточно, чтобы осознать всю ситуацию: «*Нас остановили перед дощатым забором. Вышел человек со списком в руках… это был Головин, заместитель начальника спецотдела НКВД Грузии. Несколько месяцев назад Головин добился перевода в распоряжение НКВД СССР. И вот он в Соловецкой тюрьме принимает нас, заключенных. …Мы очутились в корпусе. Произвели обыск, сняли с нас пальто, отобрали личные вещи, продукты питания, табак … После окончания этой процедуры мы в сопровождении двух надзирателей поднялись на второй этаж. Шли по длинному коридору. Все двери камер были заперты большими висячими замками. Одна камера была открыта настежь. Нас ввели в нее. Большая, с двумя окнами, с деревянным полом. И достаточно светлая, хотя на окнах снаружи были козырьки. В два ряда стояли деревянные койки, по пять коек в ряду. Между ними проход. Стол – ближе к двери, а у самой двери — параша. На стене висели правила внутреннего распорядка тюрьмы. Строгие правила: не шуметь, не петь, громко не разговаривать, выполнять все требования тюремной администрации: переписка с родными только с разрешения начальника тюрьмы. Получать деньги в пределах 50 рублей в месяц, никаких свиданий с родными не разрешалось, нельзя было получать продуктовые посылки... За нарушение какого-либо пункта «правил» заключенные будут наказаны карцером до 5 суток, лишением права переписки сроком до трех месяцев, и так далее. Не прошло и часа, как нам принесли хлеб. Первую пайку Соловецкой тюрьмы. А сколько впереди? Нам было объявлено, что наша дневная порция — 700 граммов хлеба. Вслед за хлебом принесли обед. Каждый из нас подходил к форточке и получал суп в стандартных эмалированных мисках. Мы сильно проголодались в дороге и суп показался нам очень вкусным. Каково было наше удивление. когда нам предложили получить второе. Нам дали по большому куску жареной трески. Одни тут же принялись за рыбу, другие решили оставить ее на ужин. Через некоторое время велели приготовиться к прогулке. Нас вывели на задний двор корпуса. Там были прогулочные дворики — высокие дощатые клетки размером приблизительно 5 на 5 метров. Таких двориков было четыре. Наверху, по длине всех четырех двориков, был устроен мостик. Оттуда за гуляющими наблюдал надзиратель. Кроме того, в дверях, ведущих в дворики, имелись «глазки», точно такие, как в дверях камер. Второй надзиратель наблюдал за прогулкой через «глазок». Мы никак не ожидали такой строгой изоляции и были очень удручены этим. Во дворике нам предложили построиться по одному, в затылок. Первому было предложено шагать медленно, а каждый последующий*

[52] *С. О. Газарян.* Это не должно повториться. Док. повесть // Литературная Армения. - 1988. - № 6, № 7, № 8, № 9. С. 65.

должен был смотреть на каблуки переднего….Мы не поверили своим ушам, когда нам предложили получить ужин. Дали кашу»[53].

Из воспоминаний С.О. Газаряна прослеживается вся цепочка последовательных действий с вновь поступившими этапами тюремного контингента: прием с перекличкой и сверкой списочного состава, формирование заключенных по специфическим группам, проведение обысков, содержание на территории кремля в обширных камерах – пересыл-ках с вывешенными на стенах правилами внутреннего распорядка тюрьмы. При этом сам корпус и прогулочные дворики при нем уже был полностью подготовлены для тюремного режима. Тот момент, что его группу не отправили сразу в баню и не снабдили тюремной одеждой, хотя обыск был проведен, подтверждает тот факт, что его содержание в составе этой группе в камере-пересылке было временным, перед дальнейшим этапированием в другие пункты Соловецкой тюрьмы. Это и подтверждают его воспоминания: *«Давно был объявлен отбой, и камера спала. Вдруг послышался необычный шум в коридоре. Мы были встревожены. Очередь дошла до нас: — Вставайте, одевайтесь! Приготовьтесь с вещами. Одевайтесь потеплее на выезд. …В коридоре присоединили к нам людей из других камер, и когда нас стало десять человек, всех вывели во двор. Во дворе стояла грузовая машина. Вынесли наши вещи. Каждый узнал свой узел. Мы просили разрешения взять из узлов пальто, но нам отказали. Вещи погрузили в машину, а потом посадили нас. По углам машины заняли места конвоиры с винтовками. Старший по конвою объявил. что всякие разговоры и шушуканье категорически запрещены. Нельзя также шевелиться. Малейшее нарушение этого правила будет считаться попыткой к бегству, и конвой без предупреж-дения применит оружие. Машина тронулась и темнота поглотила нас. Видно было, что мы едем по лесу»*[54]. Ночью в составе этой группы С.О. Газарян был этапирован к месту отбывания наказания – в 3-й Муксолмский тюремный пункт. Сурен Ованесович достаточно подробно описал процедуру приема нового этапа уже непосредственно на Муксалме: «*Нас держали в неведении около двух часов. Затем вывели всех и повели в другую комнату в том же коридоре. Комната была жарко натоплена. Много было там тюремного персонала. Нам предложили раздеться догола, сперва постригли, а затем произвели тщательный обыск. Я не оговорился — голого человека обыскивали тщательно: смотрели во рту, в ушах, в заднем проходе. Предлагали растопырить пальцы и смотрели между пальцами. Затем составили опись наших вещей, включая и одежду. Выкинули из вещей весь табак. До нас этой процедуре были подвергнуты другие, и в углу образовалась целая гора табака. Записали деньги, отобранные в Тбилиси. Предупредили, что если в вещах имеются зашитые деньги, надо заявить и в таком случае они будут включены в опись, а если они обнаружатся потом, то будут конфискованы. По окончании всех этих процедур каждый из нас подвергся тщательному медицинскому осмотру. Тюремный врач измерял температуру, подробно расспрашивал нас, записывал ответы. Медосмотр закончился.*

— Обувь временно останется у вас, можете обуваться, — распорядился один из начальников. Тогда мы не поняли значения этих слов.

---

[53] Там же. С. 66.
[54] Там же. С. 67.

При нас все вещи, в том числе и наши носильные, связали в отдельные узелки, нацепили на них бирки и квитанции с описью прицепили к биркам. Каждым из нас своей подписью подтвердил, что опись вещей составлена правильно. ...Еще несколько шагов, и мы увидели какое-то низкое строение. Нас ввели туда, и только здесь мы поняли, что попали в... баню. — Мойтесь быстрее, вам дается двадцать минут! — распорядился конвоир. Когда, помывшись, вышли в предбанник, увидели десять комплектов одежды, совершенно новой, начиная с нижнего белья и кончая ватными бушлатами. Не были забыты также головные уборы — фуражки.— Скоро фуражки заменим шапками, — сказал конвоир»[55]. Интересны воспоминания Сурена Ованесовича Газаряна, касающиеся описания режима в этом пункте тюрьмы и условий содержания. «*Нас вернули той же дорогой и завели в ту же камеру, но теперь здесь стояли десять деревянных нар с матрацами, набитыми сеном, одеялами, постельным бельем, подушками, тоже набитыми сеном, полотенцами. Длинный стол, около дверей большая деревянная параша. На стене — знакомые нам «правила». В камеру вошел старший надзиратель со списком, каждому указал место и предупредил, что меняться нельзя. Дальше он разъяснил, что номер нар является номером заключенного и что фамилию свою можно забыть, но номер — нельзя. Я оказался номером седьмым. Кстати, и камера эта была седьмая. Итак, нас в камере десять человек, и все из Тбилиси*».[56] Сурен Ованесович далее подробно описал всех сокамерников. В своей жизни Газарян прошел несколько тюремных сроков в разных местах заключения, где первым была Соловецкая тюрьма. Сомневаюсь, что в его памяти при этом сохранилась настолько подробная информация о первых однокамерниках, как он описал на стр. 69. Но важен сам факт того – какая категория осужденных поступала в Соловецкую тюрьму ГУГБ НКВД в 1937 г. – это были высококвалифицированные дипломированные специалисты различных областей, учащиеся школ и студенты ВУЗов, люди разного возраста, коммунисты и комсомольцы. Об условиях содержания С.О. Газарян добавляет интересные факты со слов тюремной администрации пункта: «*Сегодня же дадут бумагу каждому, кто хочет переписываться с родными. Напишите заявление на имя начальника тюрьмы. Переписка будет разрешена только с одним родственником. К родственникам мы относим жену, мать, отца, сына, дочь, брата и сестру. В заявлениях должны быть указаны фамилия, имя, отчество, степень родства, род занятий, возраст и национальность того, с кем хотите переписываться, и, конечно, адрес. Вам будет разрешено писать по два письма в месяц и столько же получать….книги вы получите. По одной книге на человека на десять дней. Свою обувь вы носите временно. Скоро получите тюремную обувь*»[57]. В первый же день прибытия в пункт нового этапа, администрация четко и конкретно оговаривала им все условия и правила содержания: «*Да, каждый из вас, у кого есть деньги на счету, может выписать из ларька тетради и простые черные карандаши. Тетради будут находиться у старшего по корпусу, а в камеру положено давать по две тетради. Когда эти тетради будут исписаны, вы их сдадите дежурному и после проверки получите новые. Предупреждаю,*

[55] Там же. С. 67.
[56] Там же. С. 67.
[57] Там же.

использовать тетради для заявлений не разрешается. Листы тетрадей будут пронумерованы, вырывать их нельзя. ...Газеты будете выписывать сами. Одна газета на камеру. За ваш счет. Хотя в правилах не указано, но учтите: днем не разрешается лежать или спать. За нарушение будем строго наказывать. После обеда будет разрешено лежать один час»[58]. О прогулках Сурен Ованесович пишет, что первоначально они были всего по 15 минут, затем их увеличили до 30 минут. Прогулочные дворики были, как и в кремле. Запрещалось спать днем и даже облокачиваться о койку. Постепенно правила изменялись – допускалось лежать в течение дня. Значимый момент в его воспоминаниях – это возможность свободного общения сокамерников между собой, но за громкий разговор в камере – лишали права переписки на месяц. В марте 1938 г. стали происходить некоторые перемены в этом пункте тюрьмы, как пишет Сурен Ованесович: *«...зашел в нашу камеру начальник корпуса и предложил мне и Мамулашвили собраться с вещами. Это было неприятной неожиданностью не только для нас, но и для всех. «Собраться с вещами». Нас сперва повели в комнату дежурного, произвели обыск, а затем привели и новую камеру на втором этаже этого же корпуса. Показали наши места. Грешно называть камерой эту большую, светлую комнату с двумя окнами и паркетным полом. Несмотря на козырьки за окнами, в камере было много света. Нас окружили новые люди. Начались расспросы, но узнав, что мы не «свежие», люди были разочарованы. Выяснилось, что несколько минут назад из этой камеры забрали двоих, а их места заняли мы. ... Атмосфера в этой камере была совсем другой*»[59]. Как пишет Газарян, состав этой камеры был из бывших руководящих партийных работников Украины, Средней Азии, Кавказа. А уже летом этого же года С.О. Газаряна вывезли с Муксолмского пункта в кремлевский на допросы в качестве свидетеля по делу Мгебришвили, содержали в одиночной камере. Допрос вели оперуполномоченный Вардин и следователь – полковник ГБ Коллегов. В этой части его воспоминаний описана достаточно интересная ситуация с допросами заключенных в тюрьме. Допускаю, что такая ситуация была введена в систему своеобразного морального давления на тюремных заключенных. Это подтверждают и строки из книги С. О. Газаряна: «*На следующий день он меня снова вызвал. О Мгебришвили ни слова. – Сегодня мы поговорим о Кохреидзе. Те же вопросы, те же упреки в моей «неискренности». А какая гарантия, что где-то рядом не сидят в таких же одиночках Мгебришвили, Кохреидзе и Хвойник и не подвергаются допросу относительно меня. Спустя много лет я узнал от Мгебришвили, что в те же дни его переведя с острова Муксалма на Центральный остров, держали в одиночке и допрашивали по поводу контрреволюционной работы его, Кохреидзе, Хвойника и Газаряна*»[60]. С.О. Газарян был оставлен в кремлевском пункте и переводился из одной камеры в другую. Как он отметил в своих воспоминаниях, камеры были значительно меньше муксоломских, а численность в них заключенных – больше. Но есть и важные моменты в его тексте – во всех камерах, где содержался С.О. Газарян или куда переводили его – допускалось общение с сокамерниками, в помещениях стояли кровати, а не нары или

[58] Там же. С. 71.
[59] Там же. С. 75.
[60] Там же. С. 80.

откидные кровати. Разные корпуса – разные условия содержания, разный режим, разные сидельцы. Соловецкий этап в жизни Сурена Ованесовича завершился в 1939 г.: «*Осенью 1939 года началась эвакуация соловецкой тюрьмы. Мы потом узнали, что подавляющее большинство заключенных было отправлено в северные лагеря, главным образом в Норильск. Но эту «привилегию» распространили не на всех. Из нашей камеры остались Бессонов и я. В последних числах ноября 1939 года собрали из всех камер остатки и погрузили на пароход. Почти два года я пробыл в соловецкой тюрьме*»[61]. Воспоминания С.О. Газаряна в большей степени относятся к описанию муксалмского пункта тюрьмы и небольших деталей в описании кремлевского пункта. Какова была разница в условиях и режиме содержания заключенных на этих пунктах можно судить, ознакомившись с воспоминаниями тех, кто изначально находился только в 1-м Кремлевском пункте. В первую очередь это относится к воспоминаниям Бориса Львовича Оликера и Александра Александровича Баева (с 1937 г. в Соловецкой тюрьме), Иллариона Сергеевича Сибиряка и Юрия Ивановича Чиркова (в Соловецкой тюрьме с 1938 г.).

Борис Львович Оликер прибыл этапом в Соловецкую тюрьму в декабре 1937 г. Был размещен в кремлевском пункте и находился здесь до отправки с этапом в Норильский ИТЛ летом 1939 г. Его воспоминания о Соловецкой тюрьме не такие большие, как текст Сурена Ованесовича Газаряна, они краткие, но очень точные и конкретные. «*В этой тюрьме был установлен очень строгий режим... Замки на дверях проверялись ежечасно. Проверяющий не верил сам себе. Дежурящий не отходил от волчка и все время должен был видеть, что делается в камере, а, главное, лица заключенных. В тюремных правилах значилось: "Запрещается громкий разговор", но и негромкий разговор, даже шепотом - преследовался. Во избежание наказания люди месяцами хранили молчание. В камере, бывшей келье, стояло шесть коек. Между койками был промежуток не более 25-30 см. Это была та "площадка", по которой заключенный мог ходить, два шага вперед и два назад. Ровно в шесть часов утра вделанная в глубине стены лампочка два раза мигала, и через две-три минуты заключенный должен был сидеть одетый на кровати. Самое страшное во всем тюремном режиме – это запрещение ложиться на кровать с момента подъема до отбоя, то есть 16 часов. Вот эти 16 часов надо было сидеть без права не только лечь, но хоть сколько-нибудь наклониться вперед*»[62]. «*В тюрьме была устроена строжайшая сигнализация. Когда выводили заключенных на прогулку, вокруг них никогда не было живой души. Один находился от другого на метровой дистанции. Руки держали назад. Заключенные ходили строго по кругу, не имея даже права поднимать голову. Дежурный не спускал глаз с заключенных. Площадка, где проходила прогулка, тщательно проверялась, песок граблями разравнивался. В этой тюрьме можно сидеть годами и никогда не увидеть постороннего человека, что и было с нами. За два года пребывания в этой тюрьме заключенные забывали, что где-то есть города, улицы, люди. Из памяти совершенно стиралось какое бы то ни было представление о внешнем мире. ...Я не только забыл, что я имею какую-то врачебную специальность, но почти забыл свою фамилию, так как в тюрьме нас называли по номерам. Я знал, что мой номер три. При*

[61] Там же. С. 89.
[62] *Оликер Б. Л.* СТОН. // Наше наследие. М. 1989. № 4. С. 55

вызове этого номера я быстро откликался...»[63]. Считаю, что достаточно интересным с точки зрения исследователя является небольшой фрагмент из воспоминаний Бориса Львовича о больнице для администрации и вольнонаемного состава тюрьмы. *«... В июне 1939 г. в моей скучной жизни внезапно произошли резкие изменения. По не известным нам причинам, часть врачей, работавшая в санчасти тюрьмы, была мобилизована. Решили заменить их заключенными. Мне сообщили, что меня возьмут на врачебную работу в больницу. ... Через несколько дней меня вызвали в санчасть. Начальник санчасти сухо и коротко сообщил мне цель вызова: "Состоится консилиум о тяжелом послеродовом случае у одной вольнонаемной работницы. Будут врач акушер-гинеколог, специально прилетевший на самолете, врач-терапевт и вы, ваше мнение будет решающее". ...Стационар находился далеко от зоны, где содержались заключенные, пришлось проходить через множество ворот, каждые ворота отделены друг от друга толстой кирпичной стеной. ... я и остальные подошли к больнице. Они, эти вольнона-емные, работники больницы, представления не имели, кто содержится в этой тюрьме. ...Мне и трем другим врачам дали другую камеру в больничном корпусе ...Долго работать врачом мне не пришлось. Осенью 1939 года всех заключенных вывезли из Соловецкой тюрьмы. Пришел конец нашему пребыванию в этой страшной тюрьме*»[64]. Яркий момент в его воспоминаниях – о своем внешнем виде и внешнем виде других заключённых тюрьмы: «*Три года не видел я себя в зеркале. Из зеркала на меня смотрели какие-то большие выпученные глаза, которые вот-вот вылезут из орбит, стареющее морщинистое лицо с обилием глубоких складок. В складках черные, тонкие линии грязи, обросшее черной щетиной лицо с какими-то бесформенными усами. В моей памяти сохранились остаточные представления о своей внешности, но то, что я видел в зеркале, никакого сходства не имело с моим представлением о себе. ... Пришел конец нашему пребыванию в этой страшной тюрьме. Наконец, я увидел людей. Всех заключенных собрали вместе. Какую пеструю картину представляло это сборище! Лица у всех были худые, желто-землистой окраски*»[65].

По национальному составу Соловецкая тюрьма была интернациональной. Анатолий Ефимович Горелов прибыл в тюрьму с этапом в конце весны 1937 г. с приговором по ст. 58-8, 11 на 10 лет тюремного заключения, с конфискацией имущества и на 5 лет поражением в политправах. О национальном составе заключенных А.Е. Горелов написал в своих воспоминаниях «Пережитое», которые были опубликованы в Санкт-Петербурге в 1998 г.: «*В тюремной камере со мной оказались люди 16 национальностей, в том числе и бойцы интербригад, которые недавно сражались в Испании…*»

Александр Александрович Баев прибыл в Соловецкую тюрьму осенью 1937 г. с приговором – 10 лет т/з. Из его кратких воспоминаний можно выявить несколько важных фрагментов: *«… нас облачали в тюремную одежду. Кельи Соловецкого монастыря были капитально и добротно переделаны в небольшие камеры. ...Дни разнообразились только*

[63] Там же. С. 56.
[64] Там же. С. 56, 57.
[65] Там же. С. 57.

частыми обысками, придирками надзирателей, вызовом кого-нибудь из сокамерников к начальству (меня ни разу не вызывали), баней, лавочкой, выдачей двух книг (по каталогу), тетрадей (на обмен), карандаша и очень редко весточек от мамы в виде маленьких денежных переводов. Общение внутри камеры ограничено из-за боязни доносов… Но тюремная жизнь с ее строгим расписанием, массой мелочных ограничений и ее монотонностью была убийственной»[66]. При этом он вспоминает: «*В тюрьме я прошел полный курс высшей математики. Другим моим занятием было чтение литературы на французском, немецком, английском языках. Словарей у мне не было, и значение незнакомых слов приходилось определять по контекстам. Я был занят весь день, и мне не хватало даже дня*»[67]. Вроде бы – ничего нового, но он помнит, что кельи добротно и капитально переделаны в камеры, а новый этап сразу по прибытию переодевают в тюремную одежду.

В марте 1938 г. в тюрьму с лагерного содержания был переведен Юрий Иванович Чирков, находящийся в Соловках с 1935 г. В своей книге «А было всё так…» он дает достаточно интересные описания изменений на территории кремля и сведений о режиме и условиях содержания заключенных. «*Все деревья, образующие сквер, были вырублены и выкорчеваны. ...ничего не осталось в огромном пустом дворе. Только каре беленых корпусов с закрытыми щитами окнами да загородки прогулочных двориков. В тюрьме после тщательного обыска, переписи вещей и душа нас одели во все тюремное. Грубое бязевое белье с огромными черными печатями «СТОН». Брюки и рубаха из кусков коричневого и синего молескина и такой же тряпочный картуз. На ноги — портянки и большие грубые башмаки. Затем нашу восьмерку разделили надвое и развели по камерам. В камере, расположенной на первом этаже, стояли четыре деревянные койки с ватными матрацами, простынями, подушками, одеялами. Стол у окна и параша. На стене висели «Правила поведения в тюрьмах ГУГБ НКВД СССР». Все было чистым, холодным, недобрым. Из-за щита на окне света было явно недостаточно*»[68].

В 1938 г. у администрации тюрьмы уже была возможность не только размещать заключённых по камерам, соответствующим правилам тюремного содержания, но и полностью обеспечивать их не только одеждой, но и обувью. При этом, разрешалось общение заключенных в камере. Но, надо заметить, что с марта этого, 1938 г. в тюрьме стали постоянно переформировывать состав заключенных в камерах. Об этом пишет и С.О. Газарян, и Ю.И. Чирков: «*В конце апреля (1938 г.) была очередная перетасовка. Нас всех вывели в дежурную и развели по разным камерам. Я попал в большую камеру на втором этаже. В ней семь мест, два окна, светлее и суше, чем в прежней на первом этаже. Настроение в этой камере было менее тяжелым. Во-первых, все малосрочники. Все уже по нескольку недель или месяцев просидели на тюремном положении, несколько освоились с принудительным сидением на койке в течение дня, а некоторые даже умудрялись дремать с открытыми глазами, не прислоняясь к стене. Фамилии наши были засекречены, а чтобы нас могли различать тюремщики, на каждой кровати, на спинках,*

---

[66] *А.А. Баев.* Очерки. Переписка. Воспоминания. М Наука, 1998. С. 19.
[67] Там же.
[68] *Ю.И. Чирков*. А было все так… М. Политиздат. 1991. С. 193.

стоял порядковый номер»[69] О причинах таких частых переформирований состава заключенных в камерах речь пойдет дальше.

В этом же 1938 г., в июне, в Соловецкую тюрьму прибыл Илларион Сергеевич Сибиряк с приговором – 10 лет тюремного заключения, с поражением в политправах и конфискацией имущества. И.С. Сибиряк в своих мемуарах дает очень интересные факты о Соловецкой тюрьме, которые не встречаются больше ни у кого. Для исследователя одним из главных фрагментом его мемуаров является этот: *«… довезли до главных ворот Соловецкого Кремля. Нас приняли. Поместили в карантинную камеру, пропустили через санпропускник, переодели во все тюремное с бубновыми тузами на брюках, гимнастерках и бушлатах, ботинки и тюремные шапки «сиблонки». Вся одежда состояла из комбинации черного с коричневым.*» (69). Если С.О. Газарян и Ю.И. Чирков в описании тюремной одежды сообщают о головном уборе – картузе, то в воспоминаниях Иллариона Сергеевича уже имеется шапка «сиблонка». Ю.И. Чирков описывает тюремную одежду так: «*Грубое бязевое белье с огромными черными печатями «СТОН». Брюки и рубаха из кусков коричневого и синего молескина и такой же тряпочный картуз. На ноги — портянки и большие грубые башмаки*», а И.С. Сибиряк так: «*...переодели во все тюремное с бубновыми тузами на брюках, гимнастерках и бушлатах, ботинки и тюремные шапки «сиблонки». Вся одежда состояла из комбинации черного с коричневым.*» Авторы других воспоминаний только оговариваю, что их переодели в тюремную одежду, но какого цвета и с какими отличительными знаками: нашивками или печатями – к сожалению, они не указывают. Допускаю, и я в этом уверена, что различие как в цвете тюремной одежды, так и в знаках-нашивках – это специально разработанная система визуального разделения тюремных заключенных на различные категории режима даже по внешним признакам. И так, за 1937 г. Соловецкая тюрьма ГУГБ НКВД полностью вошла в свой режим деятельности, отработав систему приема этапов, размещение заключенных по камерам в соответствии с определенными их категориями, форму одежды, режим питания, охраны, а также и способы наказания за неисполнение правил распорядка дня в тюрьме.

Особое внимание необходимо уделить событиям, происходящим в Соловецкой тюрьме с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. Событиям, которые оставили неизгладимый след не только в истории Соловков, но и в судьбах тысяч людей, жизнь которых каким-либо образом была связана с Соловками и репрессиями вообще.

1937 г. – год 20-летних юбилеев Октябрьской революции и органов ВЧК-ОГПУ-НКВД. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение раз и навсегда избавиться от всех неблагонадежных и «социально опасных» граждан к 5 декабря, Дню конституции. В стране началась подготовка к масштабной репрессивной операции. Приказ о проведении этой секретной операции – Приказ НКВД СССР № 00447 был подписан 30 июня 1937 г. Наркомом СССР Н. Ежовым, а 31 июля этого же года политбюро ЦК ВКП(б) утвердило Приказ Наркома[70]. В Приказе четко оговаривалось: «*С 5 августа 1937 г. во всех*

---

[69] *И.С. Сибиряк*. Мемуары. Самара. 2008.

[70] *Юнге М., Биннер Р*. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М. 2003. Стр. 4; *А. И. Кокурин, Н.В. Петров.* ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917-1960. М. 2000. Стр. 96-104.

республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников». Восемь пунктов Главы I – перечень контингента, подлежащего репрессиям. Глава II этого Приказа – пояснения о двух категориях репрессий: ВМН и заключение в ИТЛ, а также прописаны лимиты (в цифровом варианте) репрессий по всей территории СССР. Глава III – «Порядок проведения операции» – где п.1 гласит: «*Операцию начать 5 августа 1937 г. и закончить в четырехмесячный срок*»; п.2 – «*В первую очередь подвергаются репрессиям контингенты, отнесённые к первой категории*» с пояснениями. В Главе V прописана организация и работа республиканских, краевых и областных Троек с поимёнными списками. В VI Главе прописан порядок приведения приговоров в исполнение, где в п.2 предписано: «*Приговора по первой категории приводятся в исполнение в местах и порядком по указанию наркомов внутренних дел, начальников управления и областных отделов НКВД с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение*»[71]. Отдельным Приказом ГУГБ НКВД СССР были определены репрессии в отношении осуждённых в тюрьмах, лагерях, колониях и трудпосёлках, которые подлежали только ВМН. В этом же Приказе уточнялось, что приговоры о ВМН осуждённым не объявлять, а сообщать им о их вывозе в другие места содержания. Этот приказ был продублирован Управлением НКВД СССР по Ленинградской области – Приказ № 00123 от 09.08.1937 г.[72], в котором начало операции определялось 10-м августа и на операцию отводилось всего два месяца. Однако, из двух лет (1937-1939 гг.) существования тюрьмы на Соловках почти полтора года (как и по всей стране) длилось время проведения этой операции. За этот период в руководстве тюрьмы также происходили перемены. С декабря 1937 г. по декабрь 1939 г. только начальник тюрьмы менялся четыре раза. К началу проведения этой операции, 4 июня 1937 г. начальником Соловецкой тюрьмы был старший майор ГБ И.А. Апетер, его помощником по оперативной части – капитан ГБ П.С. Раевский.

Репрессии заключённых Соловецкой тюрьмы были проведены в соответствии с Директивой секретаря ЦК ВКП(б) наркома внутренних дел Н. И. Ежова № 59190 от 16 августа 1937 г., направленной в Ленинград с конкретными сроками о начале операции – с 25 августа и конкретным лимитом: «*Вам для Соловецкой тюрьмы утверждается для репрессирования 1200 человек*»[73]. Того же 16 августа 1937 г. из 10-го отдела ГУГБ на Соловки была отправлена шифротелеграмма:

«*ШТ исх. № 44313/20932 от 16.08.37. ГУГБ 10 ОТДЕЛ – КЕМЬ, СОЛОВКИ, ТЮРЬМА ГУГБ РАЕВСКОМУ. На №№ 102 и 145.*

Ваши мероприятия правильны. Усильте агентурное наблюдение содержащихся Кремле. Примите меры быстрому выявлению организаторов, которых мере выявления переводите на тюремное положение. Максимально изолируйте_заключенных Кремля от содержащихся вне Кремля. Письма в адрес заключенных коим разрешена переписка

[71] ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917-1960. Сост. *А. И. Кокурин, Н.В. Петров.* М. 2000. Стр. 96-104; АП РФ. Ф. 3, оп. 58, д. 212, л. 55, 59—78.
[72] «Ленинградский мартиролог». СПб. 2002. Т.5, стр. 631-633.
[73] «Ленинградский мартиролог». СПб. 1996. т.2, ил.78-79;

перелюстрируйте и передавайте. Письма от заключенных принимайте, но не отправляйте до особого указания. Усильте охрану Кремля особенно выходов. Усильте бдительность военизированной охраны. Создайте дежурный боевой резерв. Девятнадцатого выедет Ленинграда дивизион сто пятьдесят бойцов и комсостав. На днях начнем разгружать Соловки от наиболее опасного состава пределах тысячи двухсот человек. Подробно ориентирует вас директива наркома высылаемая сегодня. Помощь проведения этой операции двадцатого выедет Круковский группой работников. ВЕЙНШТОК»[74]. Вся переписка на начальника Соловецкой тюрьмы поступала от Я.М. Вейнштока – руководителя 10-м отделом (тюремным) ГУГБ НКВД.

Директива секретаря ЦК ВКП(б) наркома внутренних дел Н. И. Ежова № 59190 от 16 августа 1937 г., направленная в Ленинград и Соловки, определяла конкретные сроки начала операции по Соловецкой тюрьме – с 25 августа 1937 г.[75]. На острове был размещён 126-й отдельный конвойный батальон, из 10-го отдела ГУГБ прибыла оператив-ная бригада во главе с майором госбезопасности В. М. Круковским. Начался отбор имён для подачи материалов на Особую тройку УНКВД ЛО. Подчиненные П.С. Раевского отбирали кандидатуры, на каждого заключённого составлялись краткие справки, затем справки группировались в конкретные номерные групповые дела по видам «контрреволю-ционной деятельности». Подтверждение тому, как проводилась эта работа, мы находим в показаниях непосредственного участника тех событий – Туркевича Бориса Сергеевича, оперуполномоченного Соловецкой тюрьмы с сентября 1937 г. по сентябрь 1939 г. Он был направлен из Особого отдела Ленинградского военного округа на обслуживание по оперативной линии 2-х батальонов конвойных войск и одного из корпусов тюрьмы. В своих показаниях – Объяснительной от 28 сентября 1962 г. Б.С. Туркевич пишет: «*В оперчасти тюрьмы было 12–14 оперработников. Возглавлял нашу работу заместитель начальника тюрьмы полковник Раевский. Я в то время имел звание младший лейтенант. … проводился отбор заключенных для рассмотрения дел о них на "тройке". К этому был привлечен весь оперативный состав, в том числе и я. Помню, нас собрал Раевский на совещание и заявил, что есть распоряжение центра о составлении списков заключенных на "тройку". Раевский проинструктировал нас на какую категорию заключенных составлять списки и по какой форме. При решении вопроса о том или ином заключенном принималось во внимание за что и на какой срок он осужден, а также какие имелись официальные или агентурные материалы о его поведении во время отбытия наказания. Всего таким путем было включено в списки на "тройку" от 1500 до 2000 заключенных (точного количества не помню). В это время в тюрьме была комиссия из г. Москвы, из НКВД СССР. В нее входил подполковник Власов (или Васин) из ГУГБ, Степанов (позднее он работал начальником УВД Сахалинской обл., а позднее зам. начальника УВД в г. Вологде) и другие. Они также были подключены к составлению списков. … Возглавлял ее и принимал окончательное решение по включению того или иного арестованного в список – Раевский*».

[74] ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 2242, л. 868.
[75] «Ленинградский мартиролог». СПб. 1996. т.2, ил.78-79; 1999. т.4 , стр. 658-659.

Отбор кандидатур и составление справок на лимит в 1200 человек тюремного контингента затягивался и срывал допустимые сроки, т.к. сама процедура «оформления» этих заключенных была сложной и продолжительной. Но уже в конце августа начались расстрелы лагерного контингента. Этих заключенных небольшими партиями вывозили на материк, присоединяли к спискам по отделениям Беломорско-Балтийского Комбината и Лагеря НКВД и расстреливали небольшими группами в районах ББК и Лагеря НКВД СССР (вдоль ветки канала на спецполигонах). В общей сложности с конца августа до начала октября по этим спискам было расстреляно около тысячи соловчан лагерного заключения.

Когда материалы по 1-му лимиту тюремного контингента были готовы, их срочно отправили на утверждение в Москву, а капитан госбезопасности П.С. Раевский и старший лейтенант госбезопасности А. Я. Дуккур отвезли справки в Ленинград, для доклада В.Н. Гарину – заместителю начальника Ленинградского управления НКВД СССР. Лично П.С. Раевским была подписана каждая справка о заключённых-соловчанах, рассмотренная Особой тройкой УНКВД ЛО на предмет немедленного расстрела, а. В.Н. Гарин поставил на справках визы «ВМН» (высшая мера наказания) 1, 9, 10, и 14 октября 1937 г. Для расстрела 1-го лимита на Соловки был откомандирован заместитель начальника АХУ УНКВД ЛО капитан госбезопасности М.Р. Матвеев во главе бригады. 27 октября, 1, 2, 3, 4 ноября 1937 г. приговоры к ВМН были приведены в исполнение в отношении 1111 заключённых Соловецкой тюрьмы. В районе Медвежьегорска, на спецполигоне НКВД М.Р. Матвеев и Г.П. Алафер лично расстреляли 1111 из 1116 человек I-го Соловецкого этапа.

Но в порядке перевыполнения плана Москва высылает следующий лимит и снова торопит оперчасть тюрьмы в подготовке соответствующих документов: «*ШТ исх. № 44562/32841 от 15.11.37. ГУГБ 10 ОТДЕЛ – КЕМЬ ПРИСТАНЬ СОЛОВКИ ТЮРЬМА ГУГБ АПЕТЕРУ.*

Третий раз предлагаю вам выслать Москву представителя с делами по второму лимиту. Выезде немедленно донесите. ВЕЙНШТОК»[76].

В Кемь был отправлен железнодорожный эшелон за доставкой второго этапа в Ленинград. 7 декабря, после прибытия эшелона в Ленинград, сверки и размещения заключённых в тюрьме, А.Р. Поликарпову (помощнику коменданта УНКВД ЛО) было подписано предписание на их расстрел. В соответствии с протоколами № 134, 198, 199 второго лимита по Соловецкой тюрьме 509 человек казнили 8-12 декабря 1937 г.[77].

По завершении работ, связанных с первым и вторым лимитом, начальник тюрьмы И.А. Апетер был вызван в Москву, где был снят с занимаемой должности, 11 декабря арестован, Военной коллегией Верховного суда СССР 22 августа 1938 г. приговорён по ст. ст. 58-1б-8-11 УК РСФСР к ВМН и расстрелян в Москве 22 августа 1938 г., не реабилити-рован. Временно начальником тюрьмы был назначен П.С. Раевский.

---

[76] ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 4, д. 2255, л. 143.

[77] *Разумов А.Я.* Статья «Скорбный путь соловецких этапов». Второй Соловецкий этап. «Ленинградский мартиролог». СПб. 2008. Т. 8, стр.663-665.

Формально, к этому времени – конец декабря 1937 г. – секретная операция должна была завершится, т.к. на ее время проведения отводилось четыре месяца, а по лагерям и тюрьмам – вообще только два месяца. Почему лимиты по стране и на Соловецкую тюрьму продолжали поступать? Перечитывая книги Марка Юнге и Рольфа Биннера «Вертикаль большого террора» и «Как террор стал «Большим», постепенно осознаешь весь масштаб и принципы проведения операции. В этих книгах в достаточно развернутой форме дается объяснение этому вопросу на основе конкретных документальных фактов. Основным поводом по увеличению лимитов по численности и увеличению сроков проведения самой операции была инициатива из регионов. Первичные лимиты были определены Центром, но уже с первых месяцев в Москву стали поступать ходатайства из регионов о повышении этих лимитов, отдавая предпочтение 1-й категории. На стр. 149 в книге «Вертикаль большого террора» авторы пишут: «*Однако 3 ноября 1937 г. до подразделений НКВД в республиках, краях и областях была доведена директива № 49721 Ежова, в которой он критиковал чрезвычайно низкий темп репрессивной кампании против «антисоветских элементов», национальных меньшинств и жен изменников Родины в ряде областей. Нарком приказывал форсировать проведение всех операций и завершить их к 10 декабря 1937 г.*» В своей директиве № 49721 от 04.11.37 г. Н.И. Ежов затребовал от руководящих структур НКВД в регионах полный отчет о результатах операции, при этом репрессивный процесс в стране не был остановлен. Это подтверждает тот факт, что уже 3 января 1938 г. в Соловки пришла шифротелеграмма следующего содержания:

«*ШТ исх. № 40010/119 от 03.01.38. ГУГБ 10 ОТДЕЛ – КЕМЬ ПРИСТАНЬ СОЛОВКИ ТЮРЬМА ГУГБ РАЕВСКОМУ.*

Вашей тюрьме утвержден новый лимит 200 человек директива выслана приступите оформлению дел фамилия имя отчество намеченных репрессированию телеграфьте после нашей санкции копии справок вышлите почтой нам операцию закончить 15 января. ВЕЙНШТОК»[78].

В книге «Как Террор стал «Большим» на стр. 43 и стр. 44 М. Юнге и Р. Биннер о продлении времени проведения операции сообщают: «Р*уководство НКВД 14 января 1938 года в шифротелеграмме 109 довело до сведения всех учреждений, что работа троек должна быть продолжена до особого распоряжения. …Ежов настаивал на продолжении «блестяще осуществляемой» кулацкой операции и на дальнейшем функционировании троек. ...Если в первую фазу кампании по ходатайствам о повышении лимитов принимались, как правило, положительные решения, то теперь в ответ на некоторые из них мог последовать отказ. В резолюции от 31 января 1938 г. политбюро постановило, что во всех республиках, краях и областях, для которых не были установлены новые контингенты, тройки должны были завершить свою работу не позднее 15 февраля 1938 года. Это постановление также не было выполнено.*»

Работа по новому лимиту для Соловецкой тюрьмы затянулась до конца января 1938 г. – шла долгая переписка Москвы с Соловками о том, каких з/к срочно вставлять в третий лимит. Больше месяца формировались документы на 200 человек. Шифротелеграммы с

[78] ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 5, д. 1520, л. 120.

середины января 1938 г. исходили уже от нового начальником 10-го (тюремного) отдела ГУГБ НКВД СССР – Н.И. Антонова-Грицюка. Погодные условия на Белом море – в течение января 1938 г. ударили морозы (Ил. № 7, Ил. № 8) – не позволили этот новый (третий) лимит вывезти с Соловков. Море сковало льдом. Расстрелянные согласно протоколу № 303 на 200 человек, числились в Соловках «убывшими по лимиту Х отдела 17.02.38». На стандартных печатных актах об исполнении приговоров указано имя ответственного за исполнение – коменданта УНКВД ЛО А.Р. Поликарпова, но подписаны акты начальником 10-го (тюремного) отдела ГУГБ НКВД СССР Н.И. Антоновым-Грицюком. Им же 20 февраля 1938 г. была подана на имя заместителя начальника Ленинградского управления НКВД ЛО В. Н. Гарина итоговая Справка о расстреле 198 человек.[79] Об этом расстреле упоминает Б.С. Туркевич в своей объяснительной от 28.09.1962 г.: «*Руководили операцией по их расстрелу Раевский и Власов. Я принимал участие в конвоировании заключенных, но в расстреле не участвовал, хотя все это происходило на моих глазах. Место для расстрела было избрано в глухом лесу на дороге к маяку Секирка. Заключенных расстреливали возле ямы. Сам расстрел производил комендант тюрьмы и еще несколько человек из оперативного состава, кто именно я сейчас не помню. Расстрел производился ночью и был закончен в течение одной ночи (начат около 23$^{\underline{00}}$ часов и закончен примерно в 4$^{\underline{00}}$ часа). Я был поставлен Раевским на проверку списков. После проверки списков, заключенных по одному выводили и конвоировали к месту расстрела. Остальные находились в помещении…*»

Первые три лимита – девять расстрельных протоколов Соловецкой тюрьмы доступны для исследователей в архивах ФСБ РФ. Проведя анализ этих документальных материалов, стало понятно, что все три лимита-этапа – это совершенно различные по характеристикам качества и количества наполнения протоколы. Более расширенный анализ этим протоколам я представила в своей работе «О персоналиях расстрельных протоколов» 2017 г.

Первые пять протоколов (№ 81-85) на 1116 человек – основной этап репрессий. Материалы к нему готовились долго и тщательно. Отбирались в эти протоколы «особо опасные активные антисоветские элементы» в политическом плане: заключённые с приговорами к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ, с приговорами на 3, 8, 10 лет тюремного заключения; заключённые из офицеров Царской и Белых армий. В этих пяти протоколах наряду с заключёнными – представителями царской России, русской интеллигенции, специалистами-профессионалами различных областей деятельности, педагогами и учеными, служащими разных уровней, представлены рабочие и крестьяне с низшим образованием, незначительное число лиц без определенных занятий, представители уголовного мира, осужденные за мошенничество, воровство, грабежи, а также – бывшие сотрудники ВЧК-ОГПУ-НКВД и незначительное число уголовников-рецидивистов.

[79] *Разумов А.Я.* Статья «Скорбный путь соловецких этапов. Продолжение поиска». Третий Соловецкий этап. «Ленинградский мартиролог». СПб. 2008. Т. 8, стр. 666-670, 682-684.

Посмотреть данные по г. Кемь-Порт за январь 1938 OK

Кемь-Порт, январь, 1938				
Дата	Дневная температура, °C			Кол-во осадков, мм
	мин.	средняя	макс.	
1 января 1938	-12.3	-8.9	-7.4	0.4
2 января 1938	-17	-9.9	-6.7	0.1
3 января 1938	-16.5	-11.1	-5.8	0.1
4 января 1938	-13.2	-11.4	-10.4	0
5 января 1938	-13.6	-12.1	-11	0.4
6 января 1938	-13.9	-13	-11.3	0.9
7 января 1938	-14.3	-12.8	-11.5	1.6
8 января 1938	-21.4	-17.8	-13	1.1
9 января 1938	-21.4	-10.6	-6	0.2
10 января 1938	-13.3	-9.9	-7	0
11 января 1938	-17.4	-15.4	-13	0
12 января 1938	-17	-10.4	-6.8	0
13 января 1938	-7.6	-7	-6.3	0
14 января 1938	-13.4	-10.4	-7.2	0.2
15 января 1938	-14.9	-13.7	-11.5	0
16 января 1938	-15.8	-12.7	-11.7	0.1
17 января 1938	-17.6	-15.4	-12.5	0
18 января 1938	-15.8	-7.9	-5.3	0
19 января 1938	-6.7	-5	-4	1
20 января 1938	-9.3	-8	-5.3	0.3
21 января 1938	-8.9	-8.2	-7	0
22 января 1938	-8.9	-5.1	-2.5	0
23 января 1938	-7.8	-5.6	-3.3	0
24 января 1938	-11.8	-9.2	-6.9	0
25 января 1938	-7	-5.6	-4.9	1
26 января 1938	-9.3	-7.8	-4.9	0.1
27 января 1938	-13	-11.2	-9.1	0.9
28 января 1938	-12.8	-5	-1.8	0
29 января 1938	-5.7	-2.4	-1.6	0.1
30 января 1938	-4.7	-2.7	-2	0.2
31 января 1938	-2.2	0.1	1.5	0.1

В базе данных по г.Кемь-Порт есть информация за 1916-1995гг.

Примечание: метеоданные по городам России и СНГ от ВНИИГМИ-МЦД.

Ил. № 7. Метеосводка на январь 1938 г.

В следующем лимите-этапе в протоколах № 134, 198, 199 на 509 человек категории заключенных были значительно изменены. Материалы к этим протоколам готовились почти два месяца. Количество заключённых, осужденных на разные сроки Т/З резко снижается, уменьшается количество служивших в рядах Царской и Белых армий, а также бывших сотрудников ВЧК-ОГПУ-НКВД. При этом резко возрастает количество заключённых, осужденных на большие сроки по уголовным статьям – разбой, бандитизм,

изготовление фальшивых документов и денежных знаков, погромы, убийства, грабежи, организация бандгрупп и др. В основном, они внесены в Протокол № 198.

Третий лимит в 200 человек – Протокол № 303 формировался около месяца. Из секретной переписки выясняется, что с персоналиями протоколов уже к концу 1937 г. происходила путаница: Москва требовала внести в 3-й лимит тех, кто уже был расстрелян в первом и во втором этапах. В этом этапе снова возрастает количество представителей Царской и Белых армий (10%) и осужденных к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ, а пригово-ренных к Т/З – уменьшается.

Посмотреть данные по г. Кемь-Порт за февраль 1938 OK

Кемь-Порт, февраль, 1938

Дата	Дневная температура, °C			Кол-во осадков, мм
	мин.	средняя	макс.	
1 февраля 1938	-0.8	0.3	1.4	0
2 февраля 1938	-4	-1.8	0.8	0.1
3 февраля 1938	-3.9	-1.7	0.3	0
4 февраля 1938	-0.4	1.1	2	0
5 февраля 1938	-2.6	-0.8	0.6	1.1
6 февраля 1938	-9.3	-5.6	-0.3	0.1
7 февраля 1938	-5.9	-4	-2.5	2
8 февраля 1938	-11.8	-8.3	-5	0
9 февраля 1938	-5.5	-2.2	-1	0
10 февраля 1938	-4.9	-1.6	1	0
11 февраля 1938	-3.9	-2.8	-0.9	0
12 февраля 1938	-11.8	-6.9	-2.8	0.4
13 февраля 1938	-11.2	-6.2	-4.4	0.1
14 февраля 1938	-10.3	-8.3	-4.6	0.2
15 февраля 1938	-9.1	-3.4	2.1	1.7
16 февраля 1938	-5.3	-2.5	2.4	0
17 февраля 1938	-9.7	-5.4	-0.1	0.9
18 февраля 1938	-10.3	-9.3	-7.6	2.5
19 февраля 1938	-12.2	-7.2	-1.2	1.7
20 февраля 1938	-5.3	-3.8	-0.6	0
21 февраля 1938	-7.3	-4.6	-2.5	0
22 февраля 1938	-13.1	-10	-5.3	0.3
23 февраля 1938	-18.5	-15	-12.3	0.1
24 февраля 1938	-13.6	-3.5	-0.9	0.2
25 февраля 1938	-3.1	1.1	4.5	0
26 февраля 1938	-2.8	-1.5	0.1	0

Ил. № 8. Метеосводка на февраль 1938 г.

Особо хочу сделать акцент на очень важный факт в отношении этих протоколов. Все девять расстрельных протоколов Соловецкой тюрьмы – это документы-оригиналы периода репрессий секретной операции – «Большого террора». Они официально рассекречены в архивах ФСБ РФ и доступны исследователям. А смысл этого факта в том, что в эти девять протоколов были внесены только те заключенные, которые в течение 1937 г. в ЛО на Соловках были переведены с лагерного режима на тюремный. Нет ни одного заключенного, поступившего непосредственно в тюрьму с лета 1937 г. Этим фактом и объясняется «доступность» данных документов в архивах ФСБ РФ.

Весна 1938 г. Секретная операция продолжалась и продолжалась переписка Москвы с тюрьмой на Соловках. Это видно из доступных архивных документов – шифротелеграмм. Как минимум еще по двум лимитам или двум отдельным протоколам оперчасть тюрьмы готовила новые документы. Об этом свидетельствует шифротелеграмма от 21 февраля 1938 г.: «*ШТ исх. № 40127/5150 от 21.02.38. ГУГБ 10 ОТДЕЛ – КЕМЬ ПРИСТАНЬ СОЛОВКИ ТЮРЬМА ГУГБ КОЛИГОВУ. 540.*

Немедленно переведите тюрьму 300 находящихся тюрьме. Подготовьте справки для рассмотрения тройки подготовленными делами командируйте Москву оперработ-ника. Ускорьте высылку нам справок иностранцев. АНТОНОВ»[80].

Новые лимиты, новые документы и новые расстрельные протоколы. Шифрототеле-граммы об этом свидетельствуют, но списки-протоколы и соответствующие отчетные документы о приведении приговоров в исполнение всё ещё не доступны исследователям и хранятся в архивах ФСБ под грифом «Секретно». Это касается не только шифротелеграмм весны-лета-осени 1938 г., но и следующих расстрельных протоколов на основании новых лимитов. Убеждена, что именно в эти лимиты вошли уже заключенные, поступившие с лета 1937 г. непосредственно в Соловецкую тюрьму. Вторая половина периода репрессий «секретной операции», которая приходится на 1938 г. в основном затронула очень определенную часть населения страны и контингента в местах изоляции – иностранцев. Именно 1938 г. был годом репрессий в отношении «шпионов, диверсантов, террористов» по различным национальным линиям: латыши, поляки, финны, немцы, харбинцы, японцы, эстонцы и др. Это подтверждает и шифротелеграмма от 21 февраля 1938 г.: «*ШТ исх. № 40127/5150 от 21.02.38. … Ускорьте высылку нам справок иностранцев. АНТОНОВ*». В Соловецкой тюрьме также содержались иностранцы, и также включались в расстрельные протоколы и списки на основании московских лимитов. Именно поэтому эти документы, по расстрелам иностранцев из Соловецкой тюрьмы: шифротелеграммы, справки и акты, протоколы и т.д. – не доступны исследователям и родственникам, хранятся под грифон «*совсекретно, хранить вечно*». Об этом пишут и авторы книги «Вертикаль большого террора» на стр. 284: «*Но то, что во время первой фазы «кулацкой» операции было редким исключением, с февраля-марта 1938 г. происходило все чаще: руководство НКВД и Политбюро ЦК ВКП(б) отвечали отказом на запросы об увеличении лимитов. Москва тормозила репрессивное усердие периферии, и это было знаком того, что «операция по репрессированию бывших кулаков, уголовников и*

[80] ЦА ФСБ, ф. 3, оп. 5, д. 1530, л. 51.

других антисоветских элементов» прошла свой кульминационный пункт. С февраля 1938 г. главным направлением удара в деятельности НКВД стали «национальные операции» - вторая большая массовая операция эпохи Большого террора». В рамках «национальных операций» преследовались немецкие граждане, занятые в военной промышленности и на транспорте, поляки, греки, харбинцы, латыши, иранцы, афганцы, финны, эстонцы, румыны, болгары, др. В Соловках о расстрелах после 17 февраля 1938 г. практически нет сведений из доступных архивных источников. Допускаю и даже уверена, что эти расстрелы были. Об этом есть косвенные тому подтверждения. А.Я. Разумов в статье «Скорбный путь Соловецких этапов. Продолжение поиска» в 8-м томе сборника «Ленинградский мартиролог» пишет о показаниях двух бывших соловецких оперуполномоченных ГБ: Б.С. Туркевича и А.П. Кузьмичева. В своих показаниях Андрей Петрович Кузьмичев сообщает: «*При мне был один случай массового расстрела заключенных, который я очень хорошо помню. Было это, по всей видимости, весной или в начале лета 1938 года. Возможно, что это было и осенью, и не в 1938, а в 1939 году. Точнее сказать: я не могу определить сейчас, когда точно это было. Помню, что было тепло и была трава. Во всяком случае я помню, что это было в бытность Раевского, а не тогда, когда заместителем начальника тюрьмы по оперчасти стал Гапонов, сменивший Раевского. …Расстрелом руководил представитель из Москвы, как будто бы Антонов, но точно утверждать это не могу, так как забыл. Я видел, как производился этот расстрел и мне Туркевич там рассказал, что на всех этих заключённых были решения тройки о их расстреле.*» События, о которых сообщает А.П. Кузьмичев, однозначно происходили в 1938 г., т.к. П.С. Раевский уже с 10 октября 1938 г. вступил в должность начальника Новочеркасской тюрьмы УНКВД. А.Я. Разумов уверен, что А.П. Кузьмичев имеет в виду февральский расстрел Протокола № 303, в то же время у меня полная уверенность, что сведения А.П. Кузьмичева относятся к последующим расстрелам. К тому же в показаниях сказано о времени года, которое явно не относится к зимним февральским дням: «*весной или в начале лета 1938 года. Возможно, что это было и осенью… Помню, что было тепло и была трава».* Такая подача информации – вреде бы и говорит, а вроде бы и не помнит… – характерна на допросах в КГБ в начале 1960-х гг. бывших сотрудников ГБ – участников сталинских репрессий. Секретность самой операции в 1937-1938 гг. определяла и дальнейшее поведение исполнителей на допросах, руководствовавшихся неразглашением всей информации.

Состав девяти известных расстрельных протоколов Соловецкой тюрьмы ГУГБ 1937-1938 гг. разнообразный и включает в себя различные категории осужденных. Поэтому однозначно относится к этим документам невозможно и недопустимо. Репрессивная система расправлялась не только с теми, кем по праву могла гордиться страна – представители интеллигенции, рабочие и крестьяне, духовенство, но и с теми, кто создавал репрессивную систему на разных уровнях и работал в этой системе. В эти документы – протоколы были внесены и те, кто по своему образу жизни не признавал никакие государственные установки и законы – представители уголовного мира. Поэтому, когда идет разговор о расстрельных протоколах Соловецкой тюрьмы, всегда надо

уточнять – какие категории репрессированных имеют право на увековечение памяти, а какие понесли заслуженное наказание.

Перелимиты в Соловецкой тюрьме – характерный пример перелимитов в операцию «Большого террора» по всей стране. С лета 1938 г. Москва постепенно начала свертывать секретную операцию. «*Признаком постепенного окончания операции по приказу № 00447 является решение политбюро от 15 сентября 1938 года, создававшее новую систему осуждения «контрреволюционных национальных контингентов»*[81]. А уже 15 ноября 1938 г. по запросу Прокуратуры СССР Политбюро одобрило проект директивы, в которой главное положение гласило: *«Строжайше приказывается: 1. Приостановить с 16 ноября сего года вплоть до распоряжения рассмотрение всех дел на тройках, в военных трибуналах и в Военной коллегии Верховного суда СССР*»[82]. С этим запретом на тройки руководство страны официально объявило о завершении операции «Большой террор». 26 ноября 1938 г. в своем заявлен «*новый нарком внутренних дел Л.П. Берия от имени своего ведомства выступил с самокритикой и обещал осуществить возвращение к советской законности, провозглашенное в резолюции от 17 ноября. Были аннулированы или отменены не менее 18 приказов, циркуляров и распоряжений НКВД, изданных с июля 1937 по сентябрь 1938 г., в которых предписывалось проведение репрессий против определенных целевых групп, и регулировались способы их осуществления. В числе отмененных был и приказ № 00447. Несомненно, каждое из этих распоряжений было легитимировано постановлением Политбюро*»[83].

За эти полтора года неоднократно была проведена смена в высших эшелонах власти и руководящего состава НКВД СССР, были арестованы и расстреляны: Г.Г. Ягода, Г.И. Бокий, Я.С. Агранов, М.П. Фриновский, Г.Е. Прокофьев, Л.М. Заковский. 22 августа 1938 г. Лаврентий Павлович Берия был назначен первым заместителем Наркома ВД СССР, уже 29 сентября 1938 г. – начальником ГУГБ НКВД СССР, с 25 ноября 1938 г. – он был назначен на должность Наркома внутренних дел СССР, заменив на этом посту Н.И. Ежова.

В Соловецкой тюрьме за полтора года проведения этой операции с каждым этапом «убывших по лимиту Х отдела» заключенных менялись состав и численность контингента тюрьмы, менялось и его начальство. После двух первых лимитов 11 декабря 1937 г. был арестован Иван Андреевич Апетер – начальник тюрьмы; после зимне-весенних лимитов был отозван в Москву и арестован старший лейтенант ГБ Арнольд Янович Дуккур – помощник начальника тюрьмы. Но практически весь период проведения операции в руководстве тюрьмой и непосредственном участии в проведении этой операции был Пётр Семёнович Раевский, помощник начальника Соловецкой тюрьмы, а затем и начальник (с января 1938 г.). Он руководил тюрьмой до октября 1938 г., практически до времени завершения секретной операции. Осенью 1938 г. он отозван в Москву и уже с 4 октября 1938 г. назначен начальником Новочеркасской тюрьмы УНКВД Ростовской области.

[81] *М. Юнге, Р. Биннер.* Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. 2003. С. 49.
[82] *М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер*. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М. 2008. С. 404.
[83] Там же. С. 408.

Соловецкую тюрьму с 11 января 1939 г. возглавил бывший начальник Брянского ГО УНКВД Орловской области Иван Карпович Коллегов. Такие перемены в руководстве тюрьмы подтверждает и Борис Сергеевич Туркевич в своих показаниях: «*Вместо него на должность начальника тюрьмы был прислан бывший начальник УНКВД Брянской обл. полковник ГБ Коллегов. Жена его работала в тюрьме инженером по строительной части. Затем и его не стало. Обязанности начальника тюрьмы исполнял Гаспер.*» О Гаспере, ст. лейтенанте ГБ, как начальнике Соловецкой тюрьмы, в настоящее время информации нет. Иван Карпович Коллегов в должности начальника Соловецкой тюрьмы пробыл не долго: с 11 января по 16 марта 1939 г., уже 8 июня 1939 г. он был арестован и 28 июля 1941 г. расстрелян. Приказом НКВД СССР № 931 от 25.04.1939 на должность начальника Соловецкой тюрьмы был назначен Александр Александрович Чечев[84]. Он руководил Соловецкой тюрьмой вплоть до ее закрытия и вывода с Соловецких островов. Уже с 30 декабря 1939 г. А.А. Чечев – начальник 1-го отделения 4-го отдела Главного тюремного управления НКВД СССР.

На основе вышеизложенного, конечно, можно понять такую частую смену руководства Соловецкой тюрьмой в период проведения секретной операции: после выполнения определенных действий с определенным контингентом по конкретным распоряжениям из Центра главного исполнителя «убирали» и назначали нового. Допускаю, что меняли состав оперативных работников и некоторых руководителей тюремных пунктов – непосредственных участников – свидетелей выполнения определенных задач. А смена руководства весной 1939 г. имела совсем другие причины. Эти причины стали поводом не только для смены в руководстве Соловецкой тюрьмой ГУГБ НКВД, но и поводом закрытия этой системы на Соловках.

Как указывалось выше, 29 сентября 1938 г. приказом НКВД СССР № 00641 на базе Тюремного отдела НКВД и ОМЗ ГУЛАГа было организовано Главное тюремное управление (ГТУ) НКВД.[85] В конце 1938 г., с окончанием операции «Большого террора» в Главное Тюремное управление поступали сводки о численности заключённых в основных тюрьмах ГУГБ НКВД СССР, из которых следовало, что тюрьмы на материке, такие как Орловская, Владимирская, Суздальская, Казанская, Ярославская, пустуют на треть, на четверть, а некоторые и на половину от своего лимита заполнения. А по причине больших масштабов расстрелов в лагерях ГУЛАГа, на основных и ведущих стройках гулаговской системы стала ощущаться острая нехватка рабсилы из числа заключенных. Уже 26 декабря 1938 г. вышла директива НКВД Главного тюремного Управления № 530982 о возможности вывода тюремных заключённых на работы по поимённым спискам с особой охраной [86]. В это время вышли распоряжения и о переводе заключённых из тюрем в ИТЛагеря и колонии, для срочного обеспечения показателей на основных народно-хозяйственных объектах. Начался массовый перевод заключённых из тюрем, а через год – в декабре 1939 г. циркуляром НКВД СССР Главного тюремного Управления

---

[84] НКВД: Именной указатель (https://nkvd.memo.ru/index.php/НКВД:Именной_указатель). Приказ НКВД СССР № 931 от 25.04.1939.
[85] Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник. М. 1998 г. С. 538
[86] ГАРФ.Ф.9413, оп.1, д.1, л.1-3.

№ 1158327 от 01.12.1939 г. были определены разъяснения по таким переводам[87]. Еще при организации тюремного режима в Соловках, а тем более при проведении секретной операции по приказу № 00447, как руководство Главного Тюремного управления в Москве, так и начальство на острове столкнулись с непредвиденными трудностями. В основном это касалось финансовых издержек: по обеспечению администрации и охраны тюрьмы (включая лагерный состав) всем необходимым по линии оплаты труда, питания, одежды, хозяйственно обеспечения. Большие финансовые затраты были у Тюремного отдела при перестройке монастырских построек в тюремные корпуса. Немаловажную роль в этом сыграла оторванность тюрьмы от материка, что затрудняло связь и значительно увеличивало бюджетные ассигнования на морские перевозки. Практически, к 1938 г. руководство 10-м Отделом ГТУ понимало всю несостоятельность и нерентабельность организации строгой тюрьмы в Соловках. Это послужило поводом уже к лету 1938 г. вывода женского тюремного контингента с острова. Об этом упоминает Ольга Львовна Адамова-Слиозберг в своей книге «Путь»: «*Весной 1938 года к нам в камеру привели двух женщин, которые, заболев, отстали от своего этапа. От них я узнала, что женская тюрьма на Соловках ликвидируется, и всех заключенных перевозят на материк. То же ожидало и нас*»[88]. Надо учитывать, что 1938-й г. – это время, когда во всю шла II-я Мировая война. Руководство СССР вело самую активную работу по наращиванию советских вооруженных сил, увеличивая дислокацию наземных, воздушных и военно-морских частей. И Соловецкие острова для Военно-морского флота СССР были важной стратегической единицей. В связи с этим выскажу предположение, в котором полностью уверена, что судьба Соловков в отношении ВМФ была предрешена еще в 1938 г. Этим объясняется и вывод женского тюремного контингента с острова. Не смотря на то, что администрация тюрьмы в 1938 г. ещё проводила работу в соответствии с распоряжениями из Центра в рамках операции «Большого террора», она уже занималась и вопросами подготовки островов к сдаче в распоряжение ВМФ СССР. Это подтверждают многие факты и документы. О предстоящих переменах мы находим не только в воспоминаниях О.Л. Адамовой-Слиозберг, но и в воспоминаниях Сергея Васильевича Щеголькова: «*Летом 1938 года, меня по каким-то обстоятельствам (говорили за то, что я пускаю начальство мыться в ванной при электростанции, а спрашивается, как я осмелился бы их не пустить?), меня с электростанции «уволили». Поместили в барак, как и всех лагерников, выселенных из Кремля. Меня послали на строительство новой тюрьмы слесарем по механизации (движки, транспортеры и др.). …Вскоре (в конце 1938 года) меня вызвали в Управление лагеря и освободили*»[89]. Этот отрывок из воспоминаний С.В. Щеголькова играет огромное значение в изучении истории того периода, а также он подтверждает мою уверенность в том, что еще в 1938 г. на Соловках уже велись строительные работы объектов для ВМФ. Допускаю, что в самом начале этого строительства администрация тюрьмы выводила на такие работы только лагерный

[87] ГАРФ.Ф.9413, оп.1, д.1, л.127.
[88] *Адамова-Слиозберг О.Л.* Путь. М. 2002.Стр. 55.
[89] *Щегольков С. В.* Небольшое повествование о том, как советская власть и партия ВКП(б) сделали меня "государственным преступником-террористом", который готовил покушение на жизнь товарища Сталина. М. 1999. С. 14

контингент, но руководствуясь Директивой НКВД Главного Тюремного Управления от 26.12.1938 г. № 530982 «о выводе тюремных з/к на работы по именным спискам»[90] уже привлекало на работы и тюремный контингент. Осмелюсь допустить что тюремный контингент выводился на работы и раньше декабря 1938 г. Это подтверждает в своих воспоминаниях Николай Николаевич Рацен, который был в заключении на Соловках с ноября 1936 г. по ноябрь 1939 г. на лагерном режиме содержания. О событиях 1938-1939 гг. он вспоминает: «*После меня направили в лагерь, он находился в северной части поселка. Стояло четыре барака, обнесенных забором, вышка с надзирателями, проходная. Перед ней – небольшое деревянное здание, где находилась канцелярия лагеря. …Вскоре мне выдали дневной пропуск (с 7 до 20 часов). Занимался я ремонтом и монтажом силового электрооборудования. …В военном городке я делал электропроводку во всех зданиях. Пришлось работать во вновь выстроенной тюрьме на бывшем кирпичном заводе. Там я выполнял этажную сигнализацию и полностью проводку в административном здании. На новой электростанции на берегу Святого озера тоже пришлось работать на монтаже и наладке двух генераторов. …Мог, когда мне нужно, по делам приходить и в Кремль. Там уже все изменилось. Заключенных водили по двору только на допрос и только под конвоем. Мне нельзя было смотреть на них, если их проводили мимо, я должен был отворачиваться. …Заключенные, которых я увидел, были одеты в темные рубашки, на воротниках и рукавах – темно-коричневые нашивки. …А в середине ноября 1939 г. нас, оставшихся рабочих, человек 40, на пароходе «СЛОН» вывезли в Кемь, а оттуда – в Медвежьегорск*»[91].

Более подробно о строительных работах вспоминает Илларион Сергеевич Сибиряк – очевидец и участник тех событий. Его тюремный режим «перешел» в лагерный весной 1939 г. В своих мемуарах он затрагивает еще один аспект закрытия тюрьмы – как следствия в результате окончания «Большого террора»: нехватка рабочих рук лагерного контингента на ведущих стройках страны. «…*Решением высшей инстанции тюремное заключение для нас летом 1939 г. заменено содержанием в ИТЛ. В Соловецкой тюрьме я пробыл год. В апреле месяце 1939 года, нас заключенных тюрьмы в количестве более 5000 человек пропустили через медицинскую комиссию Норильского ИТЛ под руководством начальника УРО Норильлага Еремеева и врачей Смирнова и Скачкова. Но нас, прежде чем погрузить на пароходы и везти в Норильск Ледовитым океаном решили немного подкрепить, закалить и более, того приучить к порядкам лагерного труда. … Нас, почти всех поселили в те же камеры, но изменили строгий режим содержания. …Мы свободно разговаривали, пели, ходили в туалет по коридору, двери камер были открыты. Сами ходили за пищей, выделяли дежурных на кухню в помощь поварам и кухонным работникам на чистку картошки, рыбы и другие работы. …Во время трудовой закалки на площадке строительства аэродрома, с нами провел митинг-беседу нач. Дудинского порта и отд. ИТЛ, будущий директор комбината А.А.Панюков*»[92] Администрация тюрьмы готовила

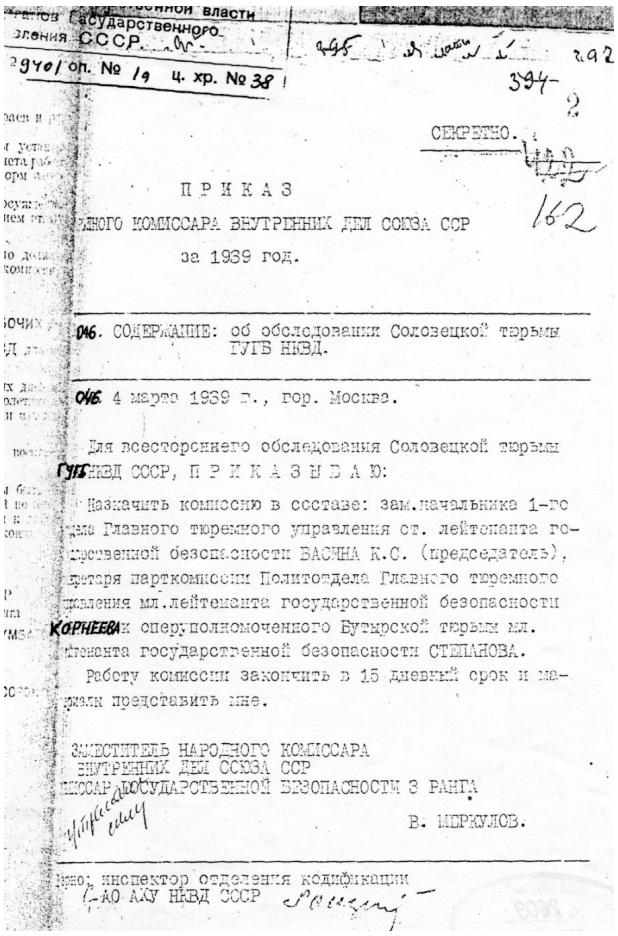
[90] ГАРФ.Ф.9413, оп.1, д.1, л.1-3.
[91] *Н.Н. Рацен*. Меня послали с Соловков последним этапом. Газета «СМ вестник» 1994 г, № 7, с.7
[92] *Илларион Сергеевич Сибиряк*. Мемуары директора Мордовского НИИ языка, литературы и этнографии. Самара. 2008.

«разгрузку» переводом значительной части тюремного контингента в лагерь. В это время на основании Приказа НКВД СССР № 0046 от 04.03.1939 г. (Ил. № 9) из Москвы прибыла комиссия по обследованию Соловецкой тюрьмы[93], а в апреле – специальная комиссия по отбору особо-опасных Государственных преступников, которые подлежат содержанию только в тюрьмах ГУГБ – Приказание по Главному Тюремному Управлению № 14 от 11.05.39 г.[94] Соловецкая тюрьма ГУГБ готовила «разгрузку», но не для всех. Предстоящие события – «разгрузка», а таким образом и постепенный вывод тюрьмы – сложные операции, которые основывались на Приказах и Распоряжениях из Центра. Это требовало срочной и надежной связи острова с материком. В связи с этим уже 13 мая этого года был издан Приказ № 00521, подписанный В. Меркуловым «*о сформировании Соловецкого отдельного гидро-авиазвена Главного тюремного управления НКВД СССР для обеспечения оперативной связи Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД с материком*»[95]. При этом в приказе четко указано, что «*командир Соловецкого отдельного гидро-авиазвена ГТУ НКВД СССР в оперативном отношении подчиняется начальнику Соловецкой тюрьмы, но во всех остальных отношениях – Главному тюремному управлению НКВД СССР».* Такой шаг ГТУ НКВД СССР предприняло для срочной и секретной связи Соловецкой тюрьмы только с тюремным ведомством, не касаясь вопросов по заключенным лагерного контингента.

А перемены уже шли своим чередом и перемены значительные. Об этом нам сообщает И.С. Сибиряк в своих воспоминаниях, но как бы вскользь, не придавая значения этим важнейшим фактам для истории тюрьмы – приезду в Соловки представителей от Норильским ИТЛ: «*В апреле месяце 1939 года, нас заключенных тюрьмы в количестве более 5000 человек пропустили через медицинскую комиссию Норильского ИТЛ под руководством начальника УРО Норильлага Еремеева и врачей Смирнова и Скачкова.»* Далее он вспоминает: *«Во время трудовой закалки на площадке строительства аэродрома, с нами провел митинг-беседу нач. Дудинского порта и отд. ИТЛ, будущий директор комбината А.А.Панюков»*[96]. Приезд медицинской комиссии из Норильского ИТЛ и начальника Дудинского порта – события, которым предшествовала достаточно долгая переписка Москвы и Норильского ИТЛ на основании ходатайств, Приказов, циркуляров и Распоряжений. Аналогичная работа в это же время шла между двумя ведомствами – НКВД СССР и ВМФ по вопросам дальнейшей судьбы Соловков. И вся эта работа не одного месяца, что и подтверждает версию о том, что еще в 1938 г. Москва однозначно решила вопрос о закрытии Соловецкой тюрьмы.

---

[93] ГАРФ. Ф.9401, оп.1а, д. 38, л. 162.
[94] ГАРФ. Ф.9413, оп. 1, д. 3, л. 29.
[95] ГАВМФ. Приказ № 00521 от 13.05.1939 г.
[96] *Илларион Сергеевич Сибиряк*. Мемуары директора Мордовского НИИ языка, литературы и этнографии. Самара. 2008.



СЕКРЕТНО.

П Р И К А З

ЛЬНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

за 1939 год.

046. СОДЕРЖАНИЕ: об обследовании Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД.

046. 4 марта 1939 г., гор. Москва.

Для всестороннего обследования Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР, П Р И К А З Ы В А Ю:

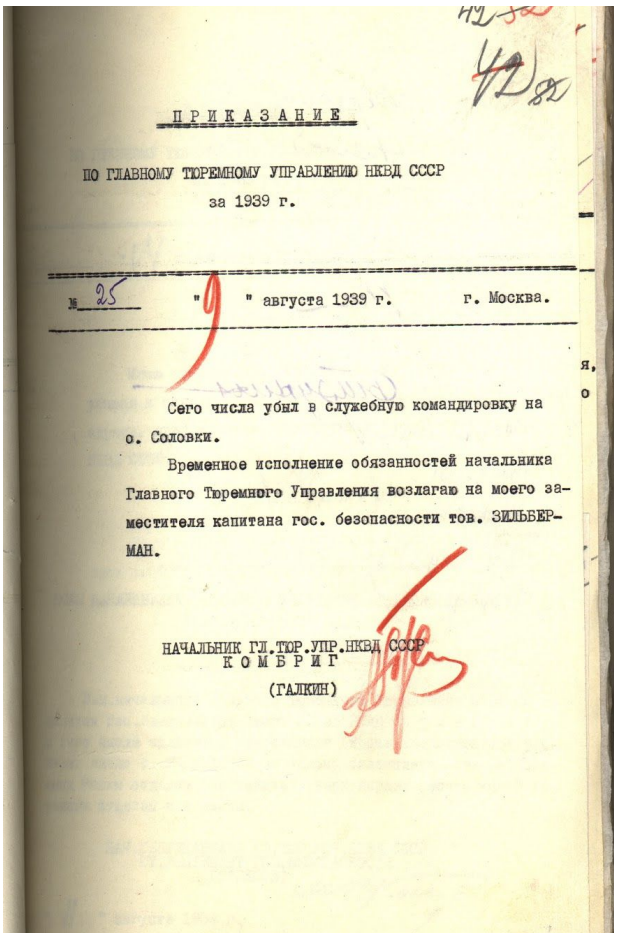
Назначить комиссию в составе: зам.начальника 1-го отдела Главного тюремного управления ст. лейтенанта государственной безопасности БАСИНА К.С. (председатель), инструктора парткомиссии Политотдела Главного тюремного управления мл.лейтенанта государственной безопасности КОРНЕЕВА и оперуполномоченного Бутырской тюрьмы мл. лейтенанта государственной безопасности СТЕПАНОВА.

Работу комиссии закончить в 15 дневный срок и материалы представить мне.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА

В. МЕРКУЛОВ.

Верно: инспектор отделения кодификации 1-АО АХУ НКВД СССР



П Р И К А З А Н И Е

ПО ГЛАВНОМУ ТЮРЕМНОМУ УПРАВЛЕНИЮ НКВД СССР

за 1939 г.

№ 25 "9" августа 1939 г. г. Москва.

Сего числа убыл в служебную командировку на о. Соловки.

Временное исполнение обязанностей начальника Главного Тюремного Управления возлагаю на моего заместителя капитана гос. безопасности тов. ЗИЛЬБЕРМАН.

НАЧАЛЬНИК ГЛ.ТЮР.УПР.НКВД СССР
К О М Б Р И Г
(ГАЛКИН)

Ил. № 9. Приказ о командировке Комбрига А.Г. Галкина на Соловки.

Ил. № 10. Норильский ИТЛ – 1939-1940 гг.

Вернемся к строительству. В своих воспоминаниях А.А. Баев этому уделяет всего несколько строк: «*Мы успели разорить монастырское кладбище, вывели под крышу тюрьму, на песчаной косе острова строили военный аэродром.*» Зато воспоминания И.С. Сибиряка, которые тоже относятся к 1939-му г., дают достаточно полную картину строительных работ и ее масштабов: *«…Строительные объекты тюрем СЛОНа в обиходе назывались площадками. Вначале тюремное начальство направило нас на площадку разбора старой церкви и кладбища. Разбирали строение выкапывали покойников из могил монастыря и выбрасывали их в отвал. Вонь из раскопанных могил и трупов из них, со смердящим смертным ядом отравляла нас, вызывала головные боли, рвоту и отравления. После случаев отравления трупным ядом, стали выделять лошадей с грабарками и передками для отвозки их. Рыли котлован фундамента, как говорили под больницу. Фактически это строился, какой-то блиндаж или убежище, с глубиной котлована под фундамент более 15 метров. Потом выводили на площадку бывшего кирпичного завода, затем новой тюрьмы, где проводили уборочные работы на площадках и строили дороги, ремонтировали мосты, разбирали ненужные строения. Выводился на площадку бывшего йодового завода и пожарок. Там также копали котлованы, траншеи и занимались планировочными работами. …Неожиданно меня со множеством других товарищей примерно 400-500 человек, вновь заперли в камеры и готовили на какой-то*

этап. Продержав нас несколько дней в камерах, погрузили на автомашины и повезли из центральной усадьбы монастыря в Саватьево, где продержали почти месяц. Занимались мы в Саватьево строительством дорог, оборудованием бани и строительством плотины. В Саватьеве начальником тюрьмы был Федорьян. Такой приятный и тихий старикашка. На площадках же работ при центральной тюрьме, ведали Корочков и старший комендант надзиратель Владимиров, в высшей степени грубиян, садист и изверг. ... В июле нам стали давать строгие нормы работы и требовать их выполнение. Не выполнивших нормы оставляли на месте, чтобы их выполнить»[97]. Важность этих воспоминаний определяется по многим критериям. Главное – это масштабы развернутого строительства, которые поражают своими объемами. Именно это и подтверждает мою точку зрения, что Соловецкие острова готовили к передаче в ведение Военно-Морского флота СССР. Строительство госпиталя, тюремного комплекса для Дисбата ВМФ на территории бывшего кирпичного завода, ремонт дорог и дамб, строительство взлетных полос и др. А к этим объектам стоит добавить школу, детский сад, семь жилых двухэтажных домов, дизельную электростанцию – объекты, которые также строились в этот период, но не упомянутые И.С. Сибиряком. Объекты, которые однозначно строились не для существующей тюремной системы, а для военного ведомства с военными аэродромами, военным госпиталем, хорошими дорогами, жильем для комсостава, административными постройками и т.д. Выполнить такой объем работ за три-четыре месяца, если учитывать только воспоминания И.С. Сибиряка – не под силу тем заключенным, кто содержался только на тюремном режиме. А учитывая воспоминания С.В. Щеголькова и Н.Н. Рацена – лагерный контингент работал на этих стройках с 1938 г. Количество заключенных лагерного контингента в тюрьме позволяло вести настолько масштабные работы еще до участия в строительстве тюремных заключенных. В Справке о лимите и численности заключенных по Соловецкой тюрьме на 1 марта 1939 г. указано: лимит – 3132 чел., тюремного контингента – 1688 чел., лагерного контингента – 1946 чел.[98] В Справке на 1 июля 1939 г.: лимит – 3132 чел., тюремного контингента – 2327 чел., лагерного контингента – 1772 чел.[99] В Справке на 1 августа 1939 г.: лимит – 3132 чел., тюремного контингента – 2512 чел., лагерного контингента – 1722 чел.[100]

По окончании работ московской комиссии с оперативными документами тюремного контингента в апреле 1939 г., определенное количество заключенных было допущено к работам. Но допущены были только те, кого НКВД посчитало возможным перевести на лагерный режим с дальнейшей перспективой отправки в Норильский ИТЛ. Директива Главного Тюремного управления НКВД СССР № 530982 от 26 декабря 1938 г. [101]строго уточняла условия вывода тюремного контингента на работы: *«…в отношении режима содержания заключённых временно использовать во вверенных Вам тюрьмах на строительных работах, руководствуясь изложенными ниже указаниями: 1) – заключен-ные содержаться (вне корпусов для основного контингента) и выписываются*

[97] Там же.
[98] ГАРФ. Ф.9413, оп.1, д.6, л. 9.
[99] ГАРФ. Ф.9413, оп.1, д.6, л. 33
[100] ГАРФ. Ф.9413, оп.1, д.6, л. 39.
[101] ГАРФ. Ф.9413, оп.1, д.6, л. 1-3.

на работу по именным спискам; 2) – надзиратели –конвоиры принимают заключенных только не более 25 человек; 3) – надзиратели-конвоиры следят только за этими заключенными по именным спискам, а не за исполнением работ.» Одновременно с этой директивой ГТУ НКВД СССР оповещало руководство тюрем, что перевод определенной части тюремного контингента на лагерный возможен только при условии, что данные лагеря находятся в достаточно суровых климатических широтах, а бывший тюремный контингент в этих лагерях будет использоваться только на очень тяжелых работах.[102]

Комиссией из Москвы часть тюремного контингента была оставлена в строгой изоляции камерного содержания. Это количество заключенных известно по Справке о лимите и численности з/к на 15 августа 1938 г.: лимит – 3132 чел., тюремного контингента – 1071 чел., лагерного контингента – 1037 чел.[103]

Соловецкая тюрьма, как и ГТУ НКВД СССР готовились к мощной акции – вывозу тюремного контингента в Норильский ИТЛ. Проведению этой операции ГТУ НКВД придавало важное значение. Именно поэтому на Соловки из Москвы в служебную коман-дировку (Ил. № 10) прибыл комбриг А.Г. Галкин – начальник Главного Тюремного Управления НКВД СССР, чтобы лично проконтролировать отправку этапа в 1500 заключенных.[104] Всех тюремных заключенных перед отправкой переодели в одежду, где на спинах были выполнены большие нашивки – ромбы желтого цвета, напоминающие бубновый туз. Это было сделано намеренно, т.к. эти заключенные переводились с тюремного режима на лагерное содержание, но администрация Норильлага должна была их всегда отличать от «своего» контингента. В Норильлаге еще долгие годы соловецких называли «бубновыми».

Из тех, кто был участником этих событий и написал свои воспоминания об этом периоде, описание самой процедуры отправки и этапирования совпадает. Немногослов-ным об этом этапе был и А.А. Баев: «*Но происходило совершенно иное - обитателей камер выпустили на обширный монастырский двор, и все увидели то, что так тщательно скрывала тюремная администрация до той поры — обитателей Соловецкой тюрьмы. Кончилось все это тем, что спустя небольшой срок нас Северным морским путем доставили в г. Норильск, в тамошний лагерь. Мы прибыли в Дудинку августовским караваном. В этом отдаленном месте за полярным кругом добывали никель как главный продукт, а кроме того, платину, цветные металлы, уголь. Здесь мне суждено было пробыть 8 лет — до 1947 г.*»[105]. (Ил. № 11) Подробнее эти события описывает Борис Львович Оликер, хотя больше внимания уделяет самому переезду и прибытию в Дудинку: «*Пришел конец нашему пребыванию в этой страшной тюрьме. Наконец, я увидел людей. Всех заключенных собрали вместе. Какую пеструю картину представляло это сборище! Лица у всех были худые, желто-землистой окраски. Нас погрузили на большой пароход, пришлось сидеть с согнутыми ногами, чтобы все могли поместиться на пароходе. Чтобы захватить хоть сколько-нибудь воды, пришлось ее*

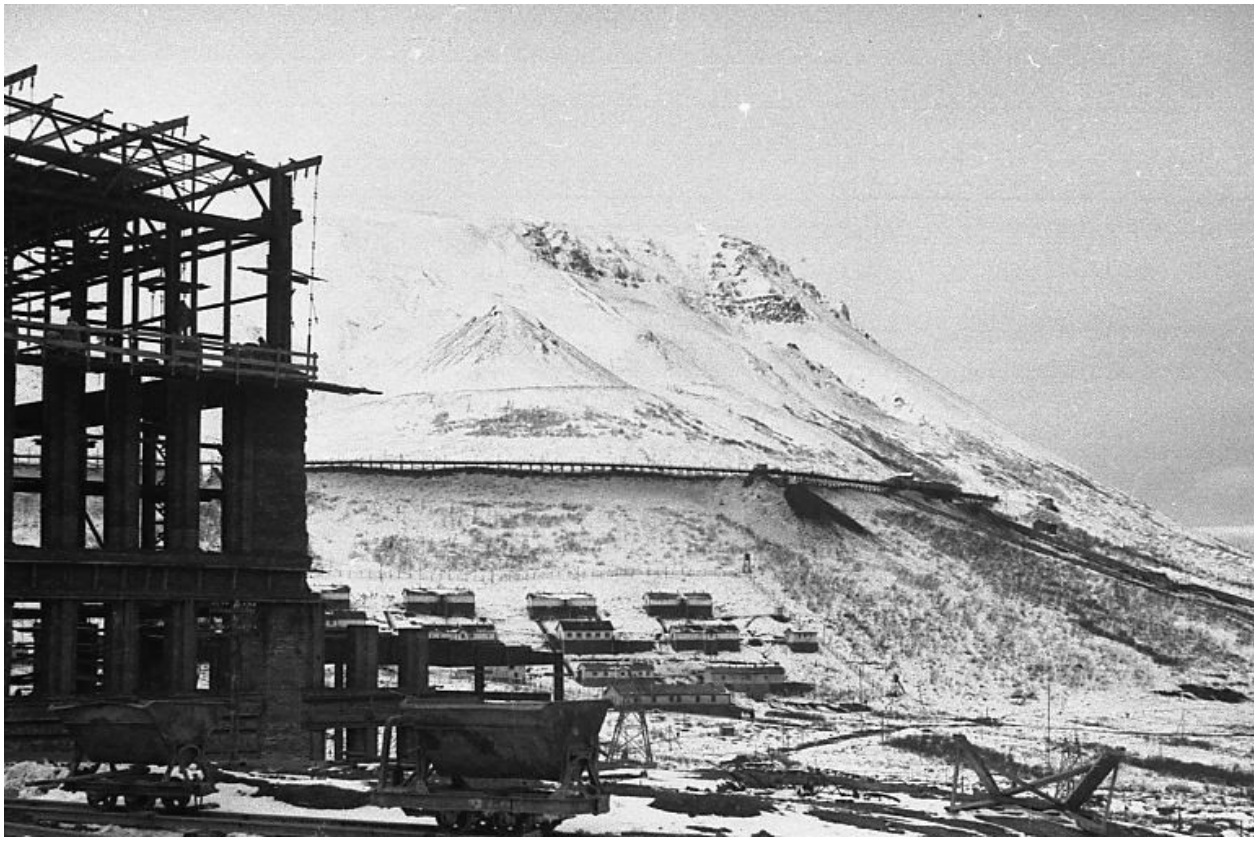
[102] ГАРФ. Ф.9413, оп.1, д.6, л. 127.
[103] ГАРФ. Ф.9413, оп.1, д.6, л. 42.
[104] ГАРФ. Ф.9413, оп.1, д.3, л.42.
[105] *А.А. Баев***.** Очерки. Переписка. Воспоминания. М Наука, 1998.

черпать и фуражками, и галошами. Долго ехали на пароходе, не имея представления о времени. В трюме все время была ночь. Наконец, остановка и выгрузка людей. Немеют ноги. Больно и неловко становиться на ноги. Мы увидели целую свору овчарок. На каждый ряд пяти заключенных – два конвоира с собаками. Как хорошо выучены собаки, с какой силой они рвутся к нам! Стоит овчарке нечаянно вырваться из рук проводника, она мгновенно разорвет человека. Куда нас ведут – никто не знает. У всех одно желание – в лагерь. Мы еще не испытали и не знали, что такое лагерь, но после пережитого нами в тюрьме лагерь, по нашим представлениям, казался нам раем…»[106]. Более подробно эти события описывает Илларион Сергеевич Сибиряк в своих мемуарах: *«…5 августа, утром, с разных участков Соловецких островов: из Саватьево, Секирки, Муксольмы, центральной зоны монастыря-крепости и других мест, нас всех собрали во двор крепости бывшего Соловецкого монастыря. На скорую руку провели санобработку, смену белья, перекличку и строем направили нас к выходу тюремного двора. Перед выводом из крепости еще раз провели проверку по делам и фамилиям, вновь провели перекличку и вывели за зону крепости. От крепости и до пристани порта по обеим сторонам дороги стояла, вооруженная охрана, Собаки овчарки на поводках у охранников. У одних охранников собачий поводок на запястье у других привязан к поясу. Кроме всего этого нас сопровождал вооруженный конвой с собаками. По ходу движения колонны этапа все время курсировали на лошадях зам начальника Соловецкой тюрьмы Корочков в окружении своих подчиненных и с непременным Владимировым. …с вещами и котомками на плечах строем по пять человек в ряд двигались к берегу моря к морским причалам Соловецкого островного порта. Погрузка и переброска с перегрузом заключенных продолжалась весь день 5 и почти всю ночь 6. Утром 06.07.1939 г. пароход С.М. Буденный двинулся в путь. В трюме парохода уже находился этап из Мурманска. Ночью 7 августа мы были в Архангельске. Конечно ни на палубу, ни тем более на берег нас не выпускали. В Архангельске пароход принял еще партию заключенных из Архангельских лагерей: бытовиков и воров. … Больше этапов не принимали, плыли почти без остановок, не считая набора пресной воды, заправки топливом и принятия грузов.*

… Вот и Дудинка, ворота Норильска. (Ил. № 12) *В Дудинском порту тогда еще не было причалов оборудованных для швартовки речных пароходов, а о морских и океанских нечего было и говорить. Утром 14.08.1939 г. Наш Семен Буденный встал на рейд, мощными гудками известив Дудинку о своем прибытии и нас «бубновотузовых». Так прозвали в Норильске Соловчан, за нашу тюремную форму. На берег перебирались на баржах, буксируемых катерами. На переброску людей с рейда парохода на берег прошел почти весь день. На голом и пустынном берегу Енисея, нас встретил зам. директора комбината Елян, с группой работников лагеря и охраной. …Внимание всех лагерников привлекалось нашей особой и довольно таки странной формой Соловецкой тюрьмы, но разговаривать и общаться пока нам ни с кем не разрешали. …В августе 1939 года наш этап прибывший из Соловецкой тюрьмы был не первым этапом этого лета. Наши*

[106] *Оликер Б. Л.* СТОН. // Наше наследие. М. 1989. № 4. С. 56.

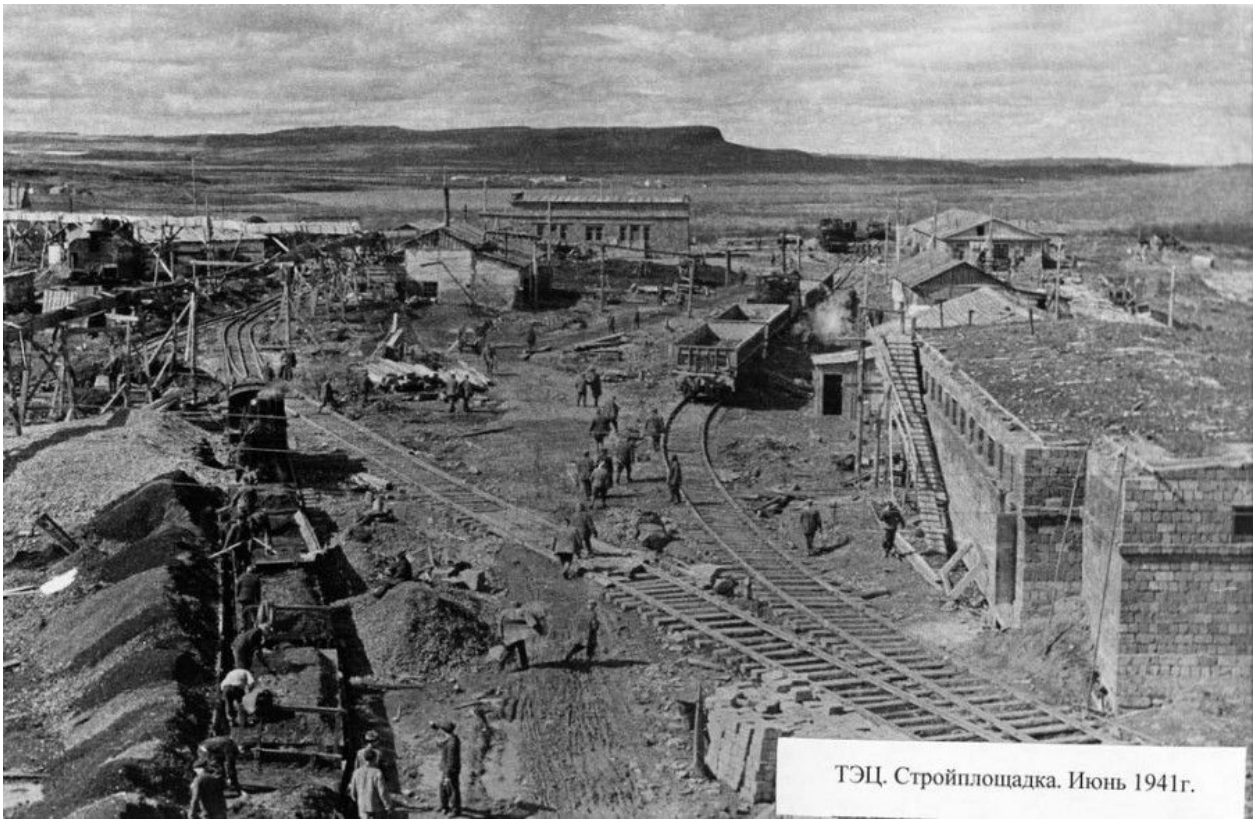
лагерные номера, по крайней мере, мой номер по Норильскому ИТЛ был на первых сотнях 21 тысячи»[107]. (Ил. № 13, 14, 15)



Ил. №11. Норильский ИТЛ – 1939-1940 гг.

Ил. №12. Дудинка в нач. 1940-х гг.

[107] *И.С. Сибиряк*. Мемуары директора Мордовского НИИ языка, литературы и этнографии. Самара. 2008.



Ил. №13. Норильский ИТЛ – 1941 г.

Ил. №14. Норильский ИТЛ – 1940-е гг.

Ил. №15. Лагерное кладбище Норильлага под г. Шмитихой. Фото Сибиряка Н.И. 1962 г.

Соловки провели «разгрузку» и на 15 августа 1939 г. численность заключенных, как я указывала выше, составляла: тюремный контингент – 1071 чел., лагерный – 1037 чел. При этом Соловки продолжали как принимать заключенных, так и отправлять их на материк. Это следует из дальнейших Справок о лимите Соловецкой тюрьмы:

- на 1 сентября 1939 г. лимит – 3132 чел., тюремного контингента – 1057 чел., лагерного контингента – 1049 чел.;
- на 15 сентября 139 г. лимит – 3132 чел., тюремного контингента – 1057 чел., лагерного контингента – 1049 чел.;
- на 1 октября 1939 г. лимит – 3132 чел., тюремного контингента – 1050 чел., лагерного контингента – 1027 чел.;
- на 15 октября 1939 г. лимит – 3132 чел., тюремного контингента – 2254 чел., лагерного контингента – 1019 чел.;
- на 1 ноября 1939 г. лимит – 3132 чел., тюремного контингента – 1522 чел., лагерного контингента – 855 чел.[108]

На 1 декабря 1939 г. в Справках ГТУ НКВД Соловецкая тюрьма уже отсутствует. При этом заключенных Соловецкой тюрьмы вывезли и долгое время считалось, что все они поступили в Орловскую и Владимирскую тюрьмы в соответствии с Приказом НКВД СССР № 001335 от 2 ноября 1939 г., но по тем же Справкам о лимите тюрем ГУГБ и количеству заключенных понятно, что все заключенные Соловецкой тюрьмы туда не поступили. Владимирская тюрьма с лимитом в 1715 чел. имела в наличии: на 15.08 = 503 чел., на 01.09-15.09. = 494 чел., на 01.10-15.10 = 501-520 чел., на 01.11 = 589 чел., на 01.12 = 666 чел., на 25.12 = 498 чел., а уже в 1940-м г. при лимите 1715 чел. – 1084 чел. и

[108] ГАРФ. Ф.9413, оп. 1, д. 6, л. 45, 48, 51, 54, 57.

численность возрастала. Эта же ситуация просматривается и с наполнением Орловской тюрьмы в период «разгрузки» Соловков: при лимите в 1910 чел. всю осень 1939 г. численность наполнения колебалась в таких цифрах: 540 – 546 – 570 – 614. На 1 декабря ее численность повысилась до 914 – 713, а только в 1940-м г. возросла к 1508-1590 чел. Эти данные взяты из архивных источников: ГАРФ, оп. 1, д.6, д.17, д.167.

Конечно допускаю, что соловецкие заключенные небольшими партиями в 10-40 человек осенью 1939 г. могли поступить в Орловскую и Владимирскую тюрьмы, но считаю, что практически весь тюремный контингент Соловецкой тюрьмы первоначально был отправлен в Бутырскую тюрьму, а позднее расформирован по другим тюрьмам ГУГБ НКВД. Допускаю, что именно это и подтверждают Справки о лимите и наполнении Владимирской и Орловской тюрем.

Приказ НКВД СССР № 001335 от 2 ноября 1939 г. (Ил. № 16, 17) определял все стороны вывода тюрьмы и возможности передачи территории в военное ведомство. В этом Приказе четко указывалось, что по указанию Главного тюремного управления подлежит вывозу, а что – передаче в ведение ВМФ. В Приказе прописано:

1. *«Соловецкую тюрьму ГУГБ закрыть.*
2. *Заключенных, подлежащих содержанию в тюрьмах ГУГБ вывести во Владимирскую и Орловскую тюрьмы ГУГБ.*
3. *Лагерный контингент заключенных полностью передать в распоряжение Главного управления лагерей НКВД СССР.*
4. *Начальствующий, политический, медицинский (старший и средний) и надзирательский состав Соловецкой тюрьмы обратить на укомплектование других тюрем.*
5. *Передать Народному комиссариату военно-морского флота следующие материальные ценности:*

   а) недвижимое имущество (здания, электростанции, склады) и незаконченное строительство со всеми наличными строительными материалами;

   б) подсобное хозяйство (скот, фураж, гужевой транспорт и инвентарь);

   в) хозяйственное и больничное оборудование (кухни, бани, прачечные, мастерские, мельницы, больницы и т.п.);

   г) самолеты, радиостанции, пароходы, баржи и катера;

   д) наличные запасы продовольствия.
6. *Вывезти с острова по указанию Главного тюремного управления:*

   а) вещевое довольствие;

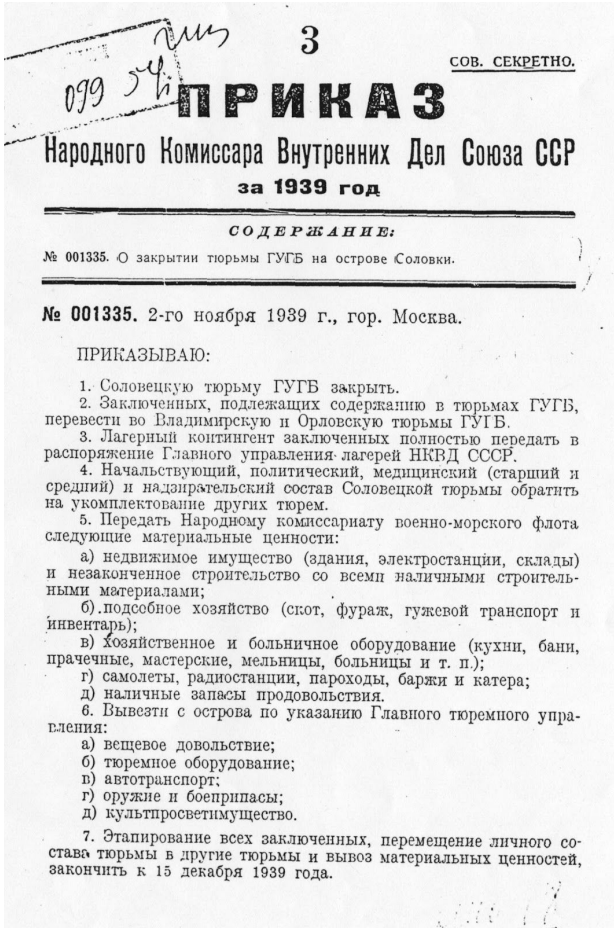
   б) тюремное оборудование;

   в) автотранспорт;

   г) оружие и боеприпасы;

   д) культпросветимущество.
7. *Этапирование всех заключенных, перемещение личного состава тюрьмы в другие тюрьмы и вывоз материальных ценностей закончить к 15 декабря 1939 г.*

8. *Для охраны… назначить комендантом островов пом. Начальника Соловецкой тюрьмы ГУГБ тов. Юшманова, оставив в его распоряжении личный состав, численностью в 200 человек.*
9. *В состав межведомственной комиссии …»*



3

СОВ. СЕКРЕТНО.

099 54

ПРИКАЗ

Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР

за 1939 год

СОДЕРЖАНИЕ:

№ 001335. О закрытии тюрьмы ГУГБ на острове Соловки.

№ 001335. 2-го ноября 1939 г., гор. Москва.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Соловецкую тюрьму ГУГБ закрыть.
2. Заключенных, подлежащих содержанию в тюрьмах ГУГБ, перевести во Владимирскую и Орловскую тюрьмы ГУГБ.
3. Лагерный контингент заключенных полностью передать в распоряжение Главного управления лагерей НКВД СССР.
4. Начальствующий, политический, медицинский (старший и средний) и надзирательский состав Соловецкой тюрьмы обратить на укомплектование других тюрем.
5. Передать Народному комиссариату военно-морского флота следующие материальные ценности:

а) недвижимое имущество (здания, электростанции, склады) и незаконченное строительство со всеми наличными строительными материалами;

б) подсобное хозяйство (скот, фураж, гужевой транспорт и инвентарь);

в) хозяйственное и больничное оборудование (кухни, бани, прачечные, мастерские, мельницы, больницы и т. п.);

г) самолеты, радиостанции, пароходы, баржи и катера;

д) наличные запасы продовольствия.

6. Вывезти с острова по указанию Главного тюремного управления:

а) вещевое довольствие;

б) тюремное оборудование;

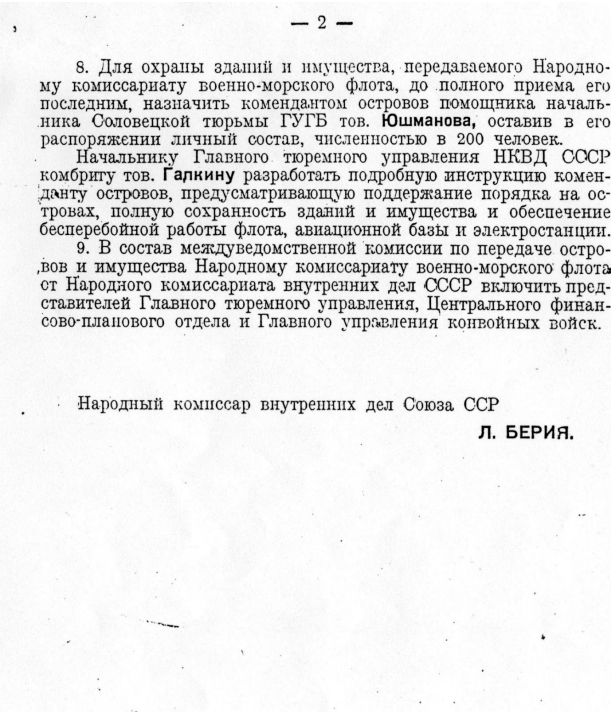
в) автотранспорт;

г) оружие и боеприпасы;

д) культпросветимущество.

7. Этапирование всех заключенных, перемещение личного состава тюрьмы в другие тюрьмы и вывоз материальных ценностей, закончить к 15 декабря 1939 года.

Ил. №16. Приказ о закрытии тюрьмы ГУГБ на Соловках. Стр. 1



— 2 —

8. Для охраны зданий и имущества, передаваемого Народному комиссариату военно-морского флота, до полного приема его последним, назначить комендантом островов помощника начальника Соловецкой тюрьмы ГУГБ тов. **Юшманова,** оставив в его распоряжении личный состав, численностью в 200 человек.

Начальнику Главного тюремного управления НКВД СССР комбригу тов. **Галкину** разработать подробную инструкцию коменданту островов, предусматривающую поддержание порядка на островах, полную сохранность зданий и имущества и обеспечение бесперебойной работы флота, авиационной базы и электростанции.

9. В состав междуведомственной комиссии по передаче островов и имущества Народному комиссариату военно-морского флота от Народного комиссариата внутренних дел СССР включить представителей Главного тюремного управления, Центрального финансово-планового отдела и Главного управления конвойных войск.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Л. БЕРИЯ.

Ил. № 17. Приказ о закрытии тюрьмы ГУГБ на Соловках. Стр. 2

Очень интересный приказ по своему содержанию и срокам. По той ситуации, которая уже сложилась в Соловках, этот Приказ как бы опоздал. И такой момент прослеживается и с другими документами распорядительно-приказного характера в отношении Соловков в этот период. Об этом – позже. Относительно Приказа № 001335, как пример – вывод лагерного контингента в лагеря ГУЛАГа – он уже происходил, т.к. те же Справки о численности свидетельствуют, что на 01.08 – 1722 человека на лагерном режиме, на 15.08 – 1037, на 01.09 – 1049, на 01.10 – 1027, на 15.10 – 1019, на 01.11 – 855. Далее, в отношении этого Приказа о вывозе и передаче – вызывает некоторое удивление: вывезти автотранспорт, а при этом морской, речной и воздушный транспорт передать. Удивление вызывает указание и о вывозе «тюремного оборудования». А вот вывоз «культпро-светимущества» заставляет задуматься. Что имели в виду высшие инстанции, когда составляли текст приказа? Конечно, можно допустить, что это плакаты и лозунги,

портреты вождей и книги по истории ВКП(б) – характерный набор предметов в кабинетах и красных уголках. Но очень сомневаюсь, что всему вышеперечисленному администрация тюрьмы, а тем более – руководство ГТУ уделяло столь важное внимание и приказало вывозить при общей эвакуации. Могу высказать только свое предположение – что они имели в виду и красиво обозначили словом «культпросветимущество»: культурные и исторические ценности материального порядка, которые им достались после лагеря на Соловках – ценнейшие предметы из лагерного музея и уникальное собрание книг лагерной библиотеки.

Сложно выстроить последовательность вывода Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД и приемки – передачи Соловецких островов из ведения НКВД в систему ВМФ, т.к. нет полного объема доступной архивно-документальной информации. Но даже те материалы и документы, которые рассекречены, уже в какой-то мере помогают воссоздать полную картину этих событий. При этом соотношение происходящих событий и документов приказного и распорядительного порядка иногда вызывают удивление и несоответствие. Такие сложные и важные мероприятия – вывод тюрьмы и приемка-передача – могли и должны были проходить только в соответствии с приказами и распоряжениями обоих ведомств – НКВД и ВМФ. А ситуация на острове этому не соответствовала.

Из доступных архивных документов известно не много. 09 октября 1939 г. началь-ником ГТУ комбригом А.Г. Галкиным было подписано Приказание об упорядочении хранения планов тюрем с указанием архивов отделений и отделов ГТУ.[109] 17 октября 1939 г. им же подписано Приказание № 37 о составлении предварительного ликвида-ционного плана Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР, для чего была назначена комиссия. На эту работу комиссии отводилось два дня, а на утверждение этот план ликвидации должен быть представлен «*к 10-00 час. 20-го октября с/г*»[110]. Допускаю, что этот план ликвидации мог прорабатывать несколько дней со всеми дополнениями и доработками. Но уже 29 октября 1939 г. в ЦК ВКП(б) на имя А.А. Жданова от наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова поступило письмо – ходатайство о передаче Соловецких островов Северному флоту в связи с ликвидацией тюрьмы НКВД.[111] Только 2 ноября 1939 г. Л.П. Берией, Наркомом внутренних дел СССР, был подписан Приказ НКВД СССР № 001335 о закрытии тюрьмы ГУГБ на Соловецких островах, а уже 3 ноября 1939 г. Наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым был подписан Приказ № 455 от 03.11.39 г. о назначении комиссии по приемке Соловецких лагерей НКВД от НКВД. Но только 15 ноября 1939 за подписью В. Молотова вышло Постановление СНК СССР № 1953-539сс о разрешении закрыть с 1 декабря 1939 г. Соловецкую тюрьму с переводом заключенных в другие тюрьмы.[112] Практически только с этой даты – 15 ноября 1939 г. должны были начать вывод тюрьмы с Соловков и приемку-передачу от НКВД СССР в распоряжение ВМФ, т.к. все значимые действия наркоматов должны быть узаконены постановления СНК. О полной «разгрузке» тюрьмы с августа тоже говорить ошибочно, т.к. по данным ГТУ после этапа в Норильский

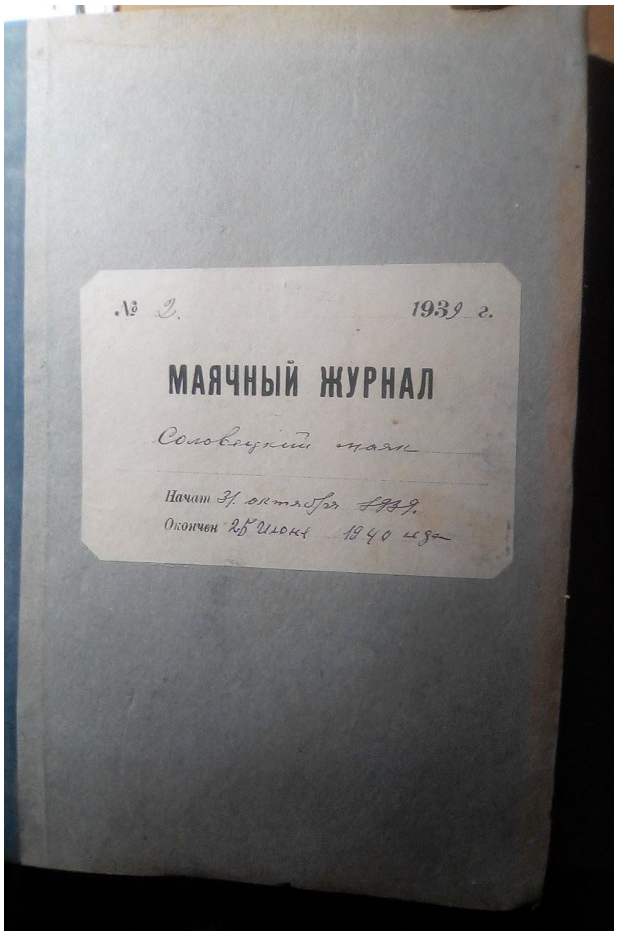
[109] ГАРФ. Ф.9413, оп. 1, д. 3, л. 57.
[110] ГАРФ. Ф.9413, оп. 1, д. 3, л. 59.
[111] ГАВМФ. Ф.970, оп.2, д.116. Обращение Наркома ВМФ в ЦК ВКП(б) за № 3481 от 29.10.1939 г.
[112] Там же. Постановление СНК от 15.11.39 г. о закрытии Соловецкой тюрьмы.

ИТЛ численность только заключенных тюрьмы на 15 августа составила 1071 чел., а уже на 15 октября – 2254 чел., на 1 ноября – 1522 чел.[113] В Москве вопрос о выводе тюрьмы с Соловков был практически решен, а при этом заключенные продолжали поступать на тюремный режим. Фактически, окончательный вывоз тюремных заключенных с Соловков приходится на конец октября – ноябрь 1939 г. Это подтверждают и записи в Маячном журнале № 2 от 1939 г. Гидрографического управления РККФ. (Ил. № 18, 19)

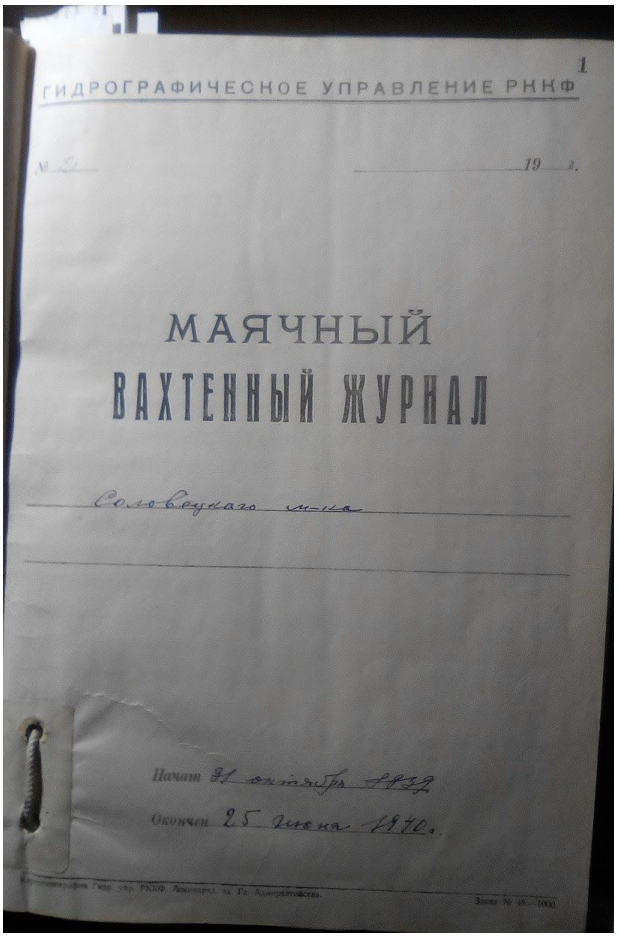
Этот журнал Соловецкого маяка был начат 31 октября 1939 г. и окончен 25 июня 1940 г. К сожалению, в Соловецкой Гидрографической службе журналы Соловецкого маяка за 1937 г., 1938 г. и почти весь 1939 г. были изъяты ведомственными структурами ещё в советское время. Но даже из записей этого журнала можно проследить последние этапы вывода Соловецкой тюрьмы и приход на острова ВМФ. А если учитывать, что вывоз морем тюремного контингента и вещдовольствия тюрьмы – достаточно важный, трудоемкий и длительный процесс, то он должен был сопровождаться участием только тюремной охраны и только на морских судах с командами из штатных тюремных работников. Из записей в Журнале маячной службы можно отследить, что 1, 12, 13, 15, 20, 21, 22, 24 ноября с Соловков в направление Кеми следовали тюремные корабли «Слон» и «Ударник», при этом 12 ноября пароход шел с баржей, а почти все выходы этих судов из соловецкого порта были в утреннее или дневное время. Надо учесть, что это – ноябрь и в утреннее время 7-00 – 8-00 час. в этих широтах практически ночь. Поэтому предполагаю, что тюремный контингент могли отправлять в следующие дни: 1 ноября примерно в 7-30 час. пароходом «Ударник» (зафиксирован с маяка в 8-10 час.) и этап загружали в трюмы ещё ночью, 12 ноября примерно в 9-00 час. с ночной загрузкой этапа (пароход с баржей зафиксирован с маяка в 9-30 час.), 21 ноября примерно в 22-00 с ночной загрузкой этапа (пароход зафиксирован в 22-25 час.). Ночной вывоз тюремного контингента обусловлен тем, что именно их Тюремное управление предписывало для дальнейшего содержания в турьмах ГУГБ НКВД, без перевода в лагеря ГУЛАГа. Суда, зафиксированные в журнале в 11-50 час., в 12-20 час., в 12-25 час., в 13-50 час., в 14-45 час., в 15-00 час. – отправлялись от соловецкого причала уже в дневное время (светлое время суток) и, быстрее всего, вывозили часть лагерного контингента и часть вещдовольствия тюрьмы. Соловецкой маячной службой 3 декабря в 11-45 час. в журнале зафиксирован полет самолета в Соловки, а уже в 12-30 час. – зафиксированы п/х «Ударник» в Кемь и «СЛОН» в Соловки. 4 и 6 декабря в 12-30 час. – пароходы ушли из Соловков и 10 декабря пароход «СЛОН» возвращался в Соловки. 13 декабря в 10-55 час. зафиксированы пароход и буксир в Соловки, а уже 18 декабря буксир с баржей ушли в Кемь. В дневное время (практически ежедневно) зафиксированы корабли с 20 по 27 декабря, курсировавшие между Соловками и Кемью. Интересны записи в журнале, сделанные 24 декабря: в 10-00 час. на юго-западе замечено три парохода типа «транспортных», идущих в Кемь; в 12-30 час.: «*на SW замечен п/х ледокольного типа, идет курсом на S из Соловков*»; в 14-05 час. замечен пароход с баржей, идущий курсом в SW (возможно в Беломорск). Быстрее всего – это и были последние рейсы пароходов по выводу Соловецкой тюрьмы с островов. Дальнейшее

[113] ГАРФ. Ф.9413, оп. 1, д. 6, л. 42, 48, 54.

курсирование этих же морских судов между Соловками и материком уже осуществляли штатные единицы от СФ.



Ил. №18. Маячный журнал Соловецкого маяка № 2. Титул 1.



Ил. № 19. Маячный журнал Соловецкого маяка № 2. Титул 2.

30 декабря в журнале маячной службы есть интересные записи о полетах самолетов над островом: в 11-05 час. замечено 9 самолетов, в 11-10 час. замечено 6 самолетов, в 12-20 час. замечено 2 самолета. Все они шли курсом на Кемь. В этот же день сделана ещё одна запись в журнале: в 22-15 на WNW замечены огни парохода. Еще 31 декабря сделаны записи: в 2-55 час. замечен пароход в Соловки, а в 10-05 час. из Соловков в Кемь. Еще два дня была открыта навигация: 3 января 1940 г. в 13-30 час. пришел корабль в Соловки, 5 января были зафиксированы в Соловки в 12-15 час. самолет и в 15-00 час. – ледокол «Шестерка». На этом навигация была завершена, а Соловки однозначно уже находились в распоряжении СФ ВМФ.

Если судить по записям в журнале Соловецкой маячной службы, то тюремный контингент окончательно был вывезен в ноябре 1939 г. Лагерный контингент весь ноябрь и почти весь декабрь занимался достройкой объектов и разборкой тюремного наследия: с окон снимали щиты– «намордники», разбирали прогулочные дворики и вышки, убирали заграждения с колючкой, в помещениях-камерах оббивали штукатурку до кирпичных стен, срубали надписи на деревянных конструкциях (оконных и дверных заполнениях,

лестничных маршах, дощатых стенах) и др. Этих заключенных вывозили уже в декабре, и последние партии были вывезены 24 декабря, а возможно – и позже. Т.к. лагерный контингент тюрьмы подлежал передаче в систему лагерей ГУЛАГа, то и вывозили их сразу в разные направления отдельными партиями. Это подтверждают и записи в маячном журнале за 24 декабря: три парохода ушли в направление Кеми (в отделения ББК и Лагеря НКВД), пароход ледокольного типа с Соловков шел на юг – в направлении Онеги или Архангельска, третий пароход с баржей уходил на юго-запад в направлении Беломорска или той же Онеги. Это только мои предположения по имеющимся фактам, но я уверена в своих выводах.

Возможно, на этом можно было и закончить эту работу. Но я считаю, что без краткого описания всей ситуации по приемке-передачи Соловецких островов от НКВД в систему ВМФ нет полного представления о лагерно-тюремной ситуации, которая была сформировала за прошедшие годы.

Но когда изначально была договоренность двух наркоматов – НКВД ГУГБ и ВМФ о передаче островов? Если уже с конца 1938 г. и весь 1939 г. заключенными на острове велось масштабное строительство для ВМФ, а с августа 1939 г. началась «разгрузка» тюрьмы. Да и сама последовательность приемки островов представителями ВМФ также оказалась затруднительной.

Фактически уже с конца августа 1939 г. вовсю шла передача островов в ведение Наркомата Военно-Морского флота. В начале 1990-х гг. мне довелось беседовать с прямыми очевидцами и непосредственными участниками тех событий, а для примера, приведу воспоминания Третьяковой Анны Александровны. В составе небольшой группы молодых девушек она прибыла в Соловки из Архангельска для работы по найму при воинских частях ВМФ. Как вспоминала А.А. Третьякова: «*Прибыли мы из Архангельска на корабле в конце августа 1939 г. На причале всю нашу группу сразу погрузили с вещами в грузовик и увезли в Исаково, где находилась молочная ферма и огороды. Мы так и не увидели сам поселок. А в Исаково мы принимали от заключенных все подсобное хозяйство: и коровники, и телятник, и конюшню, и склады, и огороды с сенокосами. Потом заключенных увезли, а мы остались там работать.*» Допускаю, что аналогичные ситуации были и с подсобным хозяйством на Большой Муксалме, и в поселке.

Приемка-передача основного и подсобного хозяйства в разных частях Большого Соловецкого острова и всего архипелага затягивалась и затруднялась из-за наличия заключенных на действующих лагпунктах и на строительных объектах, наличия тюремного контингента, неблагоприятных климатических условий осеннего периода. По сводным данным Командующего СФ Флагмана II ранга В.П. Дрозда и члена Военного Совета СФ Дивизионного Комиссара П.К. Смирнова в адрес Наркома ВМФ СССР[114] можно представить объемы работ, которые провели представители ВМФ при приемке Соловков от НКВД. Только для жилищного фонда (квартиры и казармы) принимались постройки на восьми территориях: Кремль, Прикремлёвский городок, Кирпичный завод, Военный городок, Савватьево, Исаково, Муксалма, Морсплав в Кеми. Этот жилищный

[114] ГАВМФ. Ф.970, оп. 2, д. 116, с .44, 45.

фонд был не только принят, но и расписан по 2-м категориям: требующий текущего и мелкого ремонта, требующий капитального ремонта; жилфонд без какого-либо ремонта в Таблице не зафиксирован.[115] Всего принято от НКВД СССР зданий и построек 864 в 64-х пунктах, из которых: 670 зданий и построек по основному хозяйству в 52-х пунктах, 194 здания и постройки в 16-ти пунктах по подсобному хозяйству. Это – огромнейшие объемы работ по приемке-передаче на таком количестве объектов. Приемочная Комиссия работала до начала декабря 1939 г. Комиссия, которую назначили Приказом Наркома ВМФ СССР № 455 от 3 ноября 1939 г. для проведения «*приемки Соловецких лагерей НКВД от НКВД*»[116] не смогла бы за месяц-полтора проделать такой колоссальный объем работ. Не смотря на то, что в этом же приказе сказано: «*п. 2 Комиссии произвести приемку по генеральным планам, инвентарным описям и др. документам постройки, инвентарь, имущество и подсобное хозяйство. Приемку хозяйства произвести на ходу, для чего Председателю комиссии предоставлено право найма…*» Что значит: «*произвести на ходу*» остается вопросом риторическим. А если учесть, что в Приказе НКВД СССР от 2-го ноября 1939 г. за № 001335 указан перечень того, что НКВД оставляет на Соловках, то в работе комиссии необходимо прибавить приемку морского, речного и воздушного транспорта; больницы со своим имуществом; технические постройки –электростанции и мастерские, хозяйственные – кухни, бани, прачечные, склады, мельницы и т.п.; наличные запасы продовольствия и промтоваров. Только почти достроенный тюремный комплекс для Дисбата ВМФ на кирпзаводе включал: тюремный корпус, административное здание, баню, водонасосную, очистные сооружения, склады, канализационные и водопроводные сети, водонапорную башню, электросиловые сети, подсобное хозяйство.

И опять возникает риторический вопрос – а какая комиссия работала уже с августа 1939 г.?

На основе Приказа № 455 от 03.11.39 г. Комиссия могла привлекать необходимых специалистов и рабочих. Контрольный лист Председателя комиссии комбрига тов. Егоркина – это список-перечень рабочих вопросов, которые возникали непосредственно в процессе приемки-передачи.[117] В этом Листе, в первых пунктах шли записи о неполном наличии продовольствия на зимний период, т.к. это не было своевременно завезено уже для СФ. Предлагалось продовольствие завозить в «*зимнее водное время, для чего необходимо выделить ледокольный буксир*». В отношении промтоваров в этом же Листе указано: «*…спецторг решением Начальника тюрьмы ликвидируется, а поэтому все промтовары, завезенные на зимний период магазином спецторга, сейчас распродаются уезжающим, прибывший на ст. Кемь товар не перевозится на остров…*». В процессе приемки всего соловецкого комплекса у комиссии возникали проблемы не только с численностью тех, кто участвовал в приемке-передаче, но и в наличии штатных единиц для обслуживания того, что уже было принято Комиссией. Это тоже нашло отражение в Листе, где есть такие записи: «*п. 5 – Вследствие отсутствия штата для обслуживания островного хозяйства комиссия с целью сохранения на ходу всего хозяйства произвела*

[115] ГАВМФ. Ф.970, оп. 2, д. 116.
[116] Там же.
[117] Там же.

наем ряда рабочей силы, как-то счетный аппарат, пожкоманду и часть складских работников.» В этом же Листе п. 9 «*Тюрьмой передаются Флоту плавсредства в виде товаропассажирского п/х Слон – 760 тон, буксир Ударник 350 тон, баржа 1, катеров 2 и т.д. Личный состав согласен остаться при сохранении оклада*». В этом листе были записаны не только ситуации, вызывающие срочность их решения, но и представлены предложения по разрешению этих ситуаций. В отношении приема на работу по обслуживанию островного хозяйства лиц, работавших при тюрьме ГУГБ и пожелавших остаться, руководство ВМФ дало согласие, но только для тех, кого НКВД разрешит оставить. Об этом вспоминали в начале 1990-х гг. те, кто остался на Соловках: «*Нам необходимо было заполнять Анкеты в Управлении НКВД, затем эти бумаги уходили в Москву. Потом ждали, когда придет разрешение*». Даже те, кого по найму привозили в Соловки на работу в 1939-1940-м гг. и позже – все были под надзором НКВД и с его разрешения. Это объясняется тем, что острова стали в военном ведении, а значит – закрытой территорией.

Благодаря тому, что приемка-передача велась вплоть до конца декабря, то во время передачи островов от ГТУ НКВД СССР в ведение Военно-морского флота в 1939 г. комиссия установила, что Соловки не подходят для размещения здесь военных баз. Об этом сообщает Докладная командующему СФ о результатах работы комиссии по приемке-передаче островов и целесообразности размещения учебных заведений, учебных частей, тыловой авиабазы.[118] Из-за ледовой обстановки острова 6-8 месяцев в году оторваны от материка и корабли, как в Мурманске, в течение года не имеют прямых подходов к причалам. Поэтому 7 декабря 1939 г. вышел ещё один Приказ № 0671 НК ВМФ о приеме и использовании Соловецких островов, где дальнейшее использование архипелага – под Учебные заведения ВМФ. В одном из пунктов этого Приказа указывается: «*перевести на Соловецкие острова а) Объединенную Школу Краснознаменного Балтийского Флота; б) Объединенную Школу Северного Флота с организацией их в одну Объединенную Школу … и подчинить Военному Совету Северного Флота*»[119].

На Соловках почти 15 лет находился Учебный отряд Северного Флота, другие учебные подразделения, военные городки. В общем, подразделения СФ находились на Соловецких островах до 1992 г.

[118] РГА ВМФ. Ф.970, оп. 2, д. 116, л. 7-11.
[119] РГА ВМФ. Ф.970, оп. 2, д. 116, л. 5, 6.

Заключение

Строгая Соловецкая тюрьма ГУГБ НКВД СССР с подчинением 10-му отделу ГТУ размещалась на Соловецких островах два года: с января 1937 г. до конца декабря 1939 г. На размещение строгой тюрьмы закрытого типа НКВД СССР возлагала большие надежды, но с ее организацией руководство ГТУ столкнулось с непредвиденными трудностями. В первую очередь – это значительные финансовые расходы по содержанию штатных единиц, вольнонаемного состава, охранных полков, тюремного и лагерного контингента. Большие трудности и затраты были связаны доставкой грузов и контингента на морском транспорте. При этом необходимо учитывать финансовые расходы на перестройку зданий и помещений под содержание тюремного контингента в соответствии со всеми нормами и правилами ГТУ. Руководству Тюремного управления уже на втором году деятельности тюрьмы на Соловках стало понятна ее нерентабельности. А ситуация с секретной операции «Большой террор» в 1937-1938 гг. однозначно повлияла на вывод этой тюрьмы с островов.

Но вернемся к 1938-1939 гг. Это период, когда руководство советского государства уже понимало, что над страной нависла угроза войны. Проводились передислокации военных частей и подразделений, создавались новые военные территории. «Подковёрные игры» между двумя ведомствами: НКВД СССР и ВМФ решили судьбу Соловецких островов – одним острова уже были не нужны, другие в них были в огромной степени заинтересованы. Здесь надо учитывать, что несомненное приближение военных действий на территории нашей страны ставило сложные задачи перед этими двумя наркоматами. НКВД СССР занимался вопросами возможной эвакуации своего основного руководства с секретным материальным имуществом, а МО занимался вопросами оснащения армии и организацией новых военных территорий. По этой причине вывод тюрьмы и передача островов получили затяжной характер. НКВД СССР и Главному Тюремному управлению однозначно было важно вывести только тюрьму с островов с ее контингентом и материальными ценностями, где первостепенную роль играли оперативные тюремные архивы и документация по ее деятельности. Тюремное управление практически уже не интересовала судьба лагерного контингента, а тем более – в каком состоянии будут оставлены острова для ВМФ. Это подтверждают донесения Комиссии представителей СФ о состоянии дел с продовольствием и промтоварами на момент передачи. НКВД СССР имело приоритетное положение для руководства страны, не считаясь с другими ведомствами и наркоматами.

Вывод лагерного контингента затягивался в связи с дополнительными работами, которые возникли в процессе приемки-передачи островов: разборка и демонтаж тюремных двориков, щитов-«намордников» с окон, ограждений с вышками и др. Последние партии этого контингента вывозили в декабре последними баржами и пароходами. На рейде уже стояли корабли ВМФ. Мне довелось беседовать в начале 1990-х гг. с первыми матросами, прибывшими на этих кораблях. На территории Кремля никаких двориков, щитов на окнах, вышек они уже не застали, но помнят, что «*огромное*

количество «Личных дел» заключенных валялось по коридорам кремлевских корпусов, которыми потом еще долго топили печи.»

Насколько значимой для Главного тюремного управления была Соловецкая тюрьма можно судить на примере дальнейшей судьбы архивов этого учреждения. Уже 17 декабря 1939 г. по ГТУ НКВД СССР было подписано Приказание № 40 «*о производстве инвентаризации вещевого довольствия и хозобихода базисного склада 4-го отдела*» ГТУ НКВД СССР[120], где указано «*Вещдовольствия прибывшие из Соловецкой тюрьмы проверить отдельно, для чего ввести в состав комиссии бывшего зам.Нач.по адм.хоз.части Соловецкой тюрьмы, ныне оперуполномоченного Бутырской тюрьмы мл.лейтенанта госбезопасности тов. Кузьмичева*.» А уже в январе 1940 г. на основании Приказания по ГТУ НКВД СССР № 5 от 15 января 1940 г. была назначена Комиссия «*для разборки прибывшего и находящего в Бутырской тюрьме архива быв. Соловецкой тюрьмы ГУГБ*»[121]. Этим Приказанием оговаривалось выделение материалов, нужных для дальнейшего текущего использования, материалы не нужные для использования, но подлежащие хранению в архиве, материалы, не подлежащие хранению и по описям должны быть уничтожены. В 1941 г., с началом военных действий на территории СССР, была составлена «*ОПИСЬ № 1 АРХИВНЫХ ДЕЛ 1 ОТДЕЛЕНИЯ 1 ОТДЕЛА ТЮРЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР, НЕ ПОДЛЕЖАЩИХ ДАЛЬНЕЙШЕМУ ХРАНЕНИЮ В АРХИВАХ*»[122]. В этой описи указано и количество листов в делах, не подлежащих хранению. Материалы по Соловецкой тюрьме фигурируют во многих пунктах, где прописано: «*планы и пояснительные записки тюрем по ...Соловецким островам; разная переписка по заявления заключенных Соловецкой тюрьмы ГУГБ за 1937 г. (363 стр.); п. № 137 – переписка с Соловецкой тюрьмой за 1938-1939 г. (27 стр.); п. 227 – Переписка по вопросам режима и охраны по Соловецкой тюрьме ГУГБ за 1939 г. (408 стр.); п. № 728 – Приемо-сдаточный акт Соловецкой тюрьмы НКВД (3 стр.); Материалы по ликвидации Соловецкой тюрьмы ГУГБ , НКВД (379 стр.);*

Уже 4 июля 1941 г. представителями Главного Тюремного Управления был составлен Акт «*о сожжении переписки 2-го отделения 1-го отдела Тюремного Управления НКВД СССР за 1933, 1936-40 г. и частично за 1941 г. в количестве 604-х дел, согласно прилагаемой описи*»[123]. Сожжению подлежали документы, сформированные в дела. Вот часть этого Акта о сожжении, где материалы относились непосредственно к Соловецкой тюрьме ГУГБ НКВД:

- «*Дело № 1 с разной перепиской по срочным тюрьмам и о. Соловки (568 листов, с 10.03.37 по 27.04.37);*
- *Дело № 2 с разной перепиской с Соловецкой тюрьмой (112 листов, с ноября 1936 по декабрь 1937 г.);*
- *Дела № 1, 3, 4, 5, 6 о прибывших и убывших з/к Соловецкой тюрьмы ГУГБ (всего 50 листов, за 1937 г.);*

[120] ГАРФ. Ф.9413, оп. 1, д. 3, л. 71.
[121] ГАРФ. Ф.9413, оп. 1, д. 3, л. 188-189.
[122] ГАРФ. Ф.9413, оп. 1, д. 13, л. 4-29.
[123] ГАРФ. Ф.9413, оп. 1, д. 13, л. 3.

- *Дело № 2 – Списки з/к 8-го Соловецкого отделения ББЛ НКВД (574 листа, за 1937 г.);*
- *Дело № 7 – Списки этапов, прибывших в Соловецкую тюрьму ГУГБ (79 листов, за 1937 г.);*
- *Дела б/н – Списки Соловецкой тюрьмы ГУГБ (149 листов+ 798 листов, за 1937 г.);*
- *Дело № 4 о прибытии з/к з/к в Соловецкую тюрьму ГУГБ (50 листов, 1937 г.);*
- *Дело б/н – список з/к з/к Соловецкой тюрьмы ГУГБ (выбывших по I-й категории) (70 листов, 1937 г.);*
- *Дело № 58 о заключенных, осужденных за бытовые преступления по Соловецкой тюрьме (72 листа);*
- *Дело б/н – копии приговоров бытовиков Соловецкой тюрьмы ГУГБ (259 листов, за 1938 г.);*
- *Дело б/н – Списки з/к з/к Соловецкой тюрьмы (32 листа, за 1938 г.);*
- *Дело б/н – список з/к лагерников, содержащихся в Соловецкой тюрьме ГУГБ (за 1938 г.);*
- *Дело № 4 о прибытии з/к в Соловецкую тюрьму НКВД (152 листа, с 25.02.38 по 31.12.38 г.);*
- *Дела № 14 и 14а – наряды по Соловецкой тюрьме НКВД (440 + 73 листов, с 31.08.37 г. по 31.12.39 г. и с 03.11.39 г.);*
- *Дело № 52 – списки на з/к з/к убывшие из Соловецкой тюрьмы в разные места (199 листов, с 17.08.38 по 28.06.39);*
- *Дело № 634 – список з/к з/к лагерников Соловецкой тюрьмы на 01.01.39 г. (33 листа, 1939 г.);*
- *Дела б/н – списки по з/к з/к Соловецкой тюрьмы и з/к з/к лагерного заключения (77 + 33 листов, на 01.01.39 г.);*
- *Дела б/н – списки на з/к з/к Соловецкой тюрьмы ГУГБ (77 + 25 листов, на 01.01.39 г. и на 01.03.39 г.);*
- *Дело № 3 – об убытии из Соловецкой тюрьмы ГУГБ заключенных по нарядам ГТУ НКВД (567 листов, с 01.01.39 г. по 20.11.39 г.);*
- *Дело № 12 – попутные списки з/к з/к, прибывших в Соловецкую тюрьму ГУГБ НКВД (101 лист, с 01.01.39 г. по 20.01.39 г.);*
- *Дело № 2 с разной перепиской Соловецкой тюрьмы ГУГБ (175 листов, с 13.02.39 г. по 17.06.39 г).*»[124]

Акт от 4 июля 1941 г. о сожжении документов по Соловецкой тюрьме и другим тюрьмам ГТУ – показатель того, как Главное Тюремное Управление ГУГБ НКВД уже в это время готовило свои архивы к эвакуации и сжигало 2-е, 3-и экземпляры документов, так сказать – проводя чистку архивов, избавляясь от балласта. Оперативные архивы Соловецкой тюрьмы под грифом «Секретно» и «совсекретно» были оставлены в архивохранилищах ГТУ. Когда шли бои уже под Москвой в ноябре 1941 г., вышло Распоряжение по системе НКВД СССР № 17/к/з «*Начальникам Тюремных отделов и*

[124] ГАРФ. Ф.9413, оп. 1, д. 30, л. 1-27

отделений НКВД – УНКВД. Часть аппарата Тюремного Управления НКВД СССР, находившегося в Москве, переведено для постоянной работы в гор. Куйбышев. ...почту направлять в Куйбышев. Спецсообщения направлять в Куйбышев и Чкалов»[125]. Туда же были отправлены и архивы этого ведомства. Только в начале 1943 г. эта часть аппарата ГТУ НКВД СССР вернулась в Москву.

Какое наследие оставила тюрьма на Соловках?

В настоящее время уже малочисленное, но разнообразное. Это – постройки жилые и хозяйственные; тюремные камеры (Ил. № 20, 21, 22) в келейных корпусах, которые в срочном порядке перестраивались в учебные кабинеты и жилые помещения, а со временем – в удобные монастырские кельи; решетки оконные, дверные и коридорные (Ил. № 23), которые демонтировались в связи с ремонтными работами.

Ил. №20. Камера на 2 чел. Благовещенский корпус кремля.

Ил. № 21. Камера на 2 чел. Оконная решетка. Благовещенский корпус кремля.

Жилые и административные здания, выстроенные тюремными и лагерными заключенными: Детский сад и Школа, пять, сохранившихся до наших дней, многоквартирных двухэтажных жилых домов, Госпиталь, Дизельная электростанция. Только один комплекс построек на Кирпичном заводе поражает своими масштабами. (Ил. № 24) В документации Военморпроекта мне удалось найти первоначальный план этого

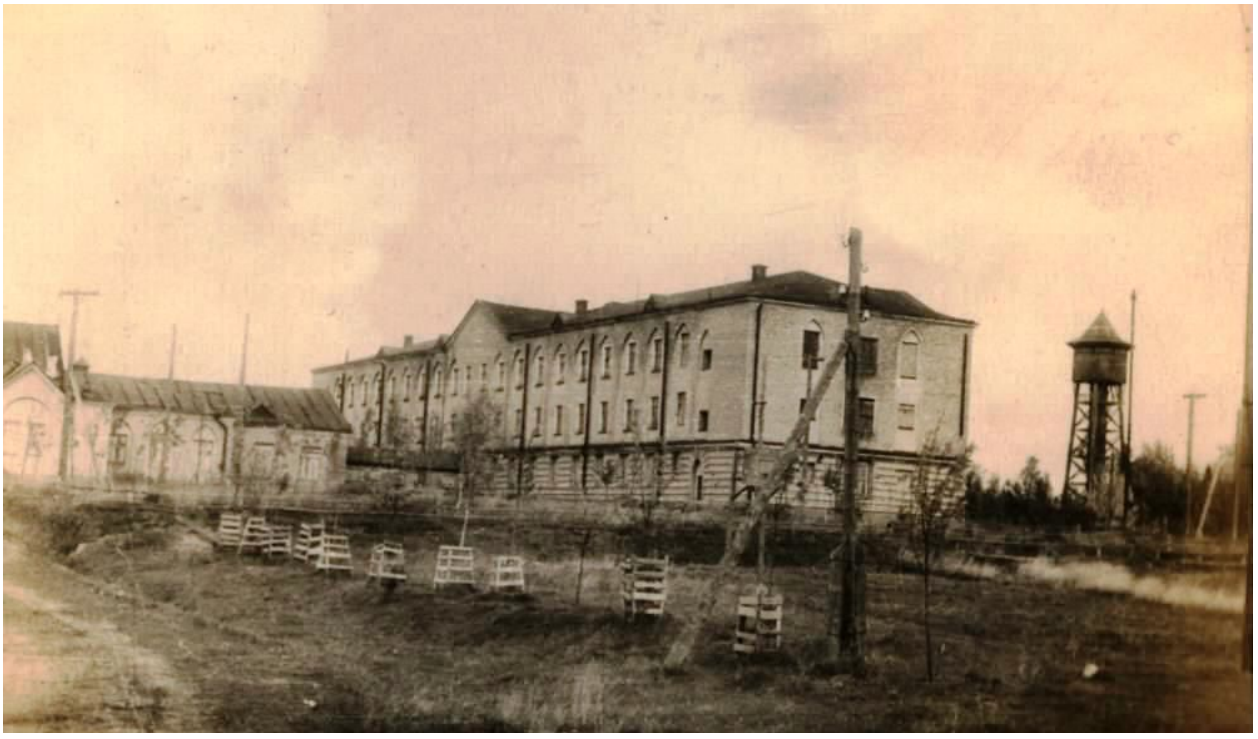
[125] ГАРФ. Ф.9413, оп. 1, д. 4, л. 70

комплекса, где видно, что предполагалось строительство двух тюремных корпусов, но, в дальнейшем, выстроен был только один. (Ил. № 25, 26) До наших дней сохранились многочисленные места массовых захоронений, связанные не только с лагерем, но и тюремным периодом. Опубликованы краткие воспоминания о том периоде тех, кто прошел тюремные застенки и тех, кто работал в этой системе; крохи доступных архивных материалов и документов в различных ведомственных архивах. К сожалению, всё это наследие, не получив должного исследования и изучения, постепенно и планомерно уничтожается, выкорчевывается не только на местах, но и из памяти многих поколений. И не только руками лагерных заключенных убиралась часть тюремно-лагерного наследия в 1939 г. С 1940 г. вплоть до 1960-х гг. на Соловецких островах планомерно работала специальная команда КГБ СССР по тщательному уничтожению всех следов тюремных построек, а также лагерных: лесных, торфяных, береговых командировок и лагпунктов, пунктов охраны. Все эти постройки разбирались и сжигались на местах. Об этом ещё в нач. 1990-х гг. мне рассказывали очевидцы этих событий. Свой вклад в уничтожение таких построек и сооружений внесли и воинские подразделения СФ в послевоенное время. К началу 1990-х гг. практически большая часть наследия лагерей и тюрьмы на территории архипелага была уничтожены.

Надеюсь, что этот период в истории Соловецких островов, каким бы темным и страшным он не был, будет и дальше в планах и разработках историков и исследователей для воссоздания полной картины тех событий в исторической памяти нашего народа.

Ил. №22. Камера на 2 человека. Конструкция откидных нар. Благовещенский корпус кремля..

Ил. №23. Камера на 2 чел. Оконная решетка. Благовещенский корпус кремля.



Ил. №24. Общий вид тюремного корпуса и административного здания на Кирпзаводе. Фото нач. 1950-х гг..

Ил. №25.Проектная схема комплекса построек на Кирпзаводе. Военморпроект.

Ил. №26. Схема построенного комплекса на Кирпзаводе. Военморпроект.